

Счастье

Автор:

Зульфю Ливанели

Счастье

Зульфю Ливанели

Восточная Анатолия. Место, где свято чтут традиции предков. Здесь произошло страшное – над Мерьем было совершено насилие. И что еще ужаснее – по местным законам чести девушка должна совершить самоубийство, чтобы смыть позор с семьи. Ей всего пятнадцать лет, и она хочет жить. «Бог рождает женщинами только тех, кого хочет покарать», – думает Мерьем. Ее дядя поручает своему сыну Джемалю отвезти Мерьем подальше от дома, в Стамбул, и там убить.

В этой истории каждый герой столкнется с мучительным выбором: следовать традициям или здравому смыслу, покориться судьбе или до конца бороться за свое счастье.

Зульфю Ливанели

Счастье

MUTLULUK

Copyright © o.z. livaneli

© Емельянова Н., перевод на русский язык, 2018

Полет Мерьем

Семнадцатилетняя Мерьем тонула в глубоком, как озеро Ван, сне. Совершенно нагая, она летела, ухватившись за шею чудесной птицы Анка. И полет был таким легким, будто девушку несла, касаясь облаков, не сказочная белая птица, а уносило перышко.

Мерьем дышала счастьем. Прохладный ветерок щекотал ее плечи и спину. Ласкал бедра, крепко сжимавшие птицу. А внутри девушки разливалась сладкая дрожь.

– Эй, птица! – кричала душа Мерьем. – Благословенная! Святая птица!

Это была та самая птица из бабушкиных рассказов: огромная, тощая, костлявая, очень сильная, со взглядом, который любого напугает. Ночи напролет бабушка славословила ее. И вот она наконец явилась. Птица спустилась к их дому, выбрала среди десятков детей человеческих Мерьем, посадила к себе на шею и унесла к самым небесам.

По бабушкиным рассказам Мерьем знала, когда птица крикнет: «Гак!», ты должен ей дать молока, а когда: «Гук» – мяса.

На своей благословенной шее унесет тебя птица из одной страны в другую, не станет останавливаться, но главное – не забывать давать ей молока и мяса.

Если же забудешь, то священная птица разгневается и скинет тебя. И тогда, о боже, падай, падай обратно к людям до самой земли! Ох, знала все это Мерьем, знала.

Внизу искрилась лазурь озера Ван, рядом возник большой город, равного которому нет на земле – Стамбул. Мерьем глаз оторвать не могла от всего этого...

Но вдруг услышала пронзительный птичий: «Гак!»

– Эй, божественная птица, где же я найду тебе молока? – вырвалось у Мерьем. – Прямо здесь, посреди неба, где я надою молока, чтобы напоить тебя?

Птица еще раз гакнула.

Мерьем закричала:

– Где я, несчастная, должна найти тебе молока? Здесь же нету коровы с налившимся выменем, которую я могла бы подоить.

Но птица в ответ еще громче: «Гак!» Мерьем обмерла от страха. В третий раз прокричав «Гак», птица стала раскачиваться, словно собиралась сбросить девушку со своей спины.

– Беда мне!

Мерьем взмолилась птице Анка:

– Не могла бы ты спуститься на землю, а там я подою корову, дам тебе молока, сладкого как мед, сколько захочешь.

Мерьем спохватилась. У коровы есть вымя, полное молока, а у нее маленькие груди. Сдавив одну, она увидела капельку молока на кончике соска. Наклонившись вперед, сжимая до боли грудь, она смочила голову птицы теплым молоком. Сперва была капля, потом тонкая струйка, и вот уже молоко потекло как изобильный источник!

Благословенная птица, повернув голову, напилась теплого молока и успокоилась.

Мерьем парила, а ветер поглаживал ее тело, избавлял от боли.

А потом Мерьем услышала: «Гук».

– Ох, беда: здесь, на седьмом небе, где же я найду мясо, накормить тебя?

Птица лишь ответила: «Гук», и Мерьем снова начала возносить мольбы. Но в этот раз птице дать было нечего. Птица в третий раз возопила: «Гук», и вопль ее был страшным, сотрясающим небеса. Мерьем испугалась, не наступил ли конец света. Она умоляла:

– Прекрасная птица, святая, благословенная! Что бы там ни было, только не бросай меня вниз!

Ужасного не случилось, птица не сбросила ее вниз. Но Мерьем увидела, что они приближались к огромной горе, как шпиль выросшей посреди неба. Гора была такой высокой, что облака ютились снизу, не смея подступить к вершине. Птица вознесла девушку на самый верх и оставила. Пик скалы впился в поясницу, нагая Мерьем дрожала. Только от чего сильнее: от холода или страха?

Вдруг голова священной птицы изменилась: белоснежная, она стала теперь устрашающе темной и со всех сторон обросла черной щетиной. Клюв вытянулся, как окровавленные щипцы.

И снова: «Гук».

– Хочет мяса, – в страхе подумала Мерьем, – хочет мясо – мое мясо есть хочет! Сначала молоко мое пила, а сейчас хочет моего мяса...

Только теперь она увидела окровавленный клюв птицы между своих бедер, он погружался в ее грешное место. Это было невыносимо, но он нырнул в ее нехорошее, грязное, несчастливое место.

«Я вижу сон, все это происходит во сне, – подумала Мерьем, – все это неправда...»

Однако от этих мыслей спокойней не стало.

Птица упорно двигалась между ее бедер. Безуспешно Мерьем пыталась ее сдержать – птица была сильной, даже не чувствовала ударов слабой девушки, все продолжала прорываться туда, рвать, рвать ее плоть...

Потом голова птицы превратилась в человеческую, покрытую черной щетиной. Мерьем узнала бороду дяди.

– Дядя, ты можешь отдать мне вырванные из меня куски? – спросила она.

Чернобородая птица с человеческой головой оставила рядом с Мерьем куски и взмыла в небо.

В одиночестве на вершине скалы семнадцатилетняя девушка укладывала вырванную плоть на место, тело заживало.

Мерьем внезапно проснулась и, не открывая глаз, подумала:

«Я не хочу просыпаться! Я совсем не хочу просыпаться».

Не сна бояться надо, жизнь гораздо страшнее.

И Мерьем открыла глаза.

В селе о ее глазах было много пересудов: в них смешались тысячи оттенков – от карего до зеленого. Кто-то был пленником этих больших, выразительных глаз, но было и много врагов.

Бабушка перед смертью твердила ласково:

– Глаза этой девочки говорят: «Солнышко, ты не всходи, отдохни, давай мы посветим вместо тебя!»

Мерьем поняла, что крепко-накрепко вцепилась руками между ног, так крепко, что и впрямь стало больно.

Хорошо все же, что она проснулась от этого кошмара.

Теперь оставалась только птица, дядя уже стерся из ее памяти.

Теперь она не помнила толком о том, как пошла в садовый домик отнести дяде еду, о том, как здоровенный мужик, наседая, мучал, терзал ее, бедную, о том, как она потеряла сознание, а придя в себя, словно безумная, выбежала прочь из дома и без оглядки побежала, не разбирая дороги.

Все это потонуло в тумане.

С расцарапанными руками, засохшей на ногах кровью, обезумевшую, бьющуюся, словно раненая птица, ее нашли посреди кладбища два молодых человека. И на глазах у всего села, прямо через деревенский рынок, отнесли домой. Дом погрузился в мрачную тишину. Перепуганная семья заперла ее в полутемном амбаре, пытаясь спрятать грех.

О том, что случилось в садовом домике, Мерьем никому не сказала ни слова, и никто не узнал имя совершившего это мерзкое дело. К тому же она до конца не понимала – в самом деле это произошло, или же это было сном. В голове все спуталось: воспоминания казались невозможными. Она все никак не могла заставить себя произнести слово «дядя», да и никак не могла поверить обрывкам памяти. И страшное укрылось где-то внутри. Она словно обо всем забыла. Каждому известно, что человек не отвечает за свои сны.

Мерьем вытянулась на тонком тюфячке, сквозь который чувствовала пол. В амбаре было сумрачно, только сквозь щели потрескавшейся двери просачивался слабый свет. Постороннему в этой темноте было бы трудно разглядеть пыльные седла и прочую упряжь для лошадей, брошенные в угол вилы, разложенные на деревянных полках торбы, в которых хранили тонкие сухие лепешки и виноградную пастилу. Но Мерьем хорошо знала, где что лежит.

Вся жизнь девушки прошла в этом забытом Аллахом месте, полуселе, полудеревне на берегу озера Ван. Она знала здесь все: каждое дерево, каждую птицу, каждый дом, оставленный армянами, дома эти были двухэтажными, с садами, которые назывались «хаят, двор». Знала амбары, полные зерна, комнаты для молитвенных омовений, печи, хлева, курятники, сады... Она знала все настолько хорошо, что не потерялась бы с завязанными глазами. У деревянных дверей дома ее семьи были подвешены две колотушки – одна большая, другая маленькая. Гость-мужчина стучал большой, женщина – той, что поменьше. Это было важно для женской части дома, чтобы подготовиться – если приходил мужчина, то его обитательницы успевали либо скрыться, либо укутаться в платки.

Мерьем никогда не выезжала из села. За его пределами она только и видела, что возвышающийся вдалеке холм, отчего иногда думала, что совсем не знает мира. Однако она не расстраивалась по этому поводу и знала, что, как только захочет, сможет поехать в место, которое называется Стамбулом. Люди вокруг время от времени говорили друг о друге: «Он поехал в Стамбул, он приехал из Стамбула!», и Мерьем знала, что за этим холмом находится Стамбул. Однажды и она поедет туда вместе с другими и, перевалив через холм, увидит внизу тот самый золотой город, о котором так много говорят.

Он был так близко, что туда совсем несложно было добраться, однако вдруг она вспомнила, что уйти не сможет. И не только в Стамбул, лежащий за горой, но даже и за водой к источнику, куда всегда ходила, или к пекарю на рынок, чтобы взять хлеба, или в лавку, где так приятно пахнет новыми, завезенными тканями, или даже в хамам, чтобы просто вымыться, где прежде проводила по целому дню, – никуда она не может сделать ни шагу. Потому что она пленница – заперта в амбаре. Семья отгородилось от нее и не подпускает к себе.

Даже в туалет теперь Мерьем не может пойти вместе с тетушками и их дочками, как было всегда. Летними вечерами, после ужина, женщины собираются и, найдя угол в саду, присев, писают, одновременно продолжая вести беседу. Как-то раз тетушка после того, как все уже закончили свое дело, заметила про ее непрекращающееся журчание:

– Посмотрите-ка, машаллах, дается же сполна молодым, вон, у Мерьем сколько накопилось!

Двоюродные сестры, внешне дружелюбные, втайне всегда ненавидели сироту Мерьем, это проявлялось даже в том, что касалось справления естественной нужды.

Сестрица Фатъма тогда сказала в ответ:

– Аллах с вами, мама. Какая связь может быть между молодостью и тем, кто и сколько мочится?

И видом, и тоном своим она словно защищала и себя, и свою мать.

У Мерьем не было матери. Бедняжка умерла через несколько дней после рождения девочки. Несмотря на все старания повитухи Гюлизар, чтение молитв имамом, все возможные и невозможные заговоры и знахарские снадобья, которые кто только не советовал и которые не помогали, а лишь мучали ее, – она тихо преставилась и была похоронена за деревней, на кладбище, кишашем змеями, среди травы высокой в человеческий рост.

А тетушки и мачеха любили собираться после обеда в двухэтажном каменном доме, где могли часами болтать, растянувшись на кроватях и подперев руками головы. Женским разговорам не было конца. Все тетки, кроме материнной сестры-близнеца, были настолько полными, что никак не могли улечься, перекатываясь туда-сюда, чтобы получше устроиться в постели.

Теперь Мерьем не могла послушать ни этих разговоров, ни пересудов о соседях, ни пойти вместе пописать, ни поесть с ними на кухне.

Теперь ей и рыбу из озера Ван есть было нельзя. Рыба эта не успевала вырастать из-за того, что вода была минерализована, однако в реке Эрджиш, впадавшей в озеро, мелкая кефаль была настолько вкусной, что сколько ее ни съешь, не наешься досыта. Рыбу эту засаливали, держали под гнетом и потом ели целый год. Ну а сейчас все радости мира оказались для Мерьем под запретом, всего ее лишили.

Только маленькая мачеха Дёне иногда приносит ей еду, а потом разрешает сходить в укромный уголок в саду. Только и всего! Никто больше в целом мире не общался с Мерьем. Сколько ее еще тут будут держать, что будут делать, как могут решить ее судьбу, Мерьем не знала.

Несколько раз она спрашивала у Дёне, которая была почти ее ровесницей, что же ожидает ее. Однако злая женщина только напугала ее ответом: «Ты сама знаешь, какое может быть наказание за то, что ты совершила». А на следующий день упомянула про Стамбул.

С того дня, как на Мерьем свалилась беда, она не видела отца. От этого человека и раньше-то было не дожидаться словечка. В доме властвовал дядя, а с отцом никто особо не считался. Дядя же не только в доме или деревне – везде пользовался почетом. Посетители приходили к нему с изобильными дарами и подношениями, целовали руки, оказывали большое уважение. Все боялись этого

жесткого, гневливого человека. А он читал им айяты из Священного Корана, пересказывал хадисы из жизни Пророка, наставлял их на жизненном пути. У него, шейха суфийского тариката[1 - Шейх суфийского тариката – тарикат, духовное мистическое объединение в суфийской традиции, отдаленно напоминающее европейскую традицию монастырских орденов. Суфизм – мистическое движение в исламе, целью которого является единение с Аллахом. Достигается это единение с помощью различных духовных, физических и психических практик, непременно под руководством наставника – муршида. Нередко наставником являлся и сам шейх, глава общины, в широком смысле глава ордена. Местное население обычно почитало шейхов как святых, иногда прижизненно, часто обращаясь к ним за помощью, лечением, духовной поддержкой.], были ученики даже по ту сторону горы, в самом Стамбуле.

До сидящей в сарае трепещущей от страха Мерьем иногда доносился свирепый голос дяди, который заточил ее здесь: «Уберите с глаз моих эту позорную, бесчестную, бесстыжую шлюху!»

По словам Дёне, из-за нее «честь семьи навечно опозорена» и теперь в деревне на людях и лица показать нельзя.

– Что же делают с девушками, которые попадают в такую беду? – спрашивала она наивно Дёне.

И Дёне ответила:

– Отправляют в Стамбул. Из деревни две или три девушки так уже уехали.

Тогда страх внутри немного утих: значит, и всего-то наказания будет, что она отправится за гору! Однако отчего же тогда был таким взгляд Дёне, когда она говорила ей: «Девочка моя, нашла же ты беду на свою голову!»? И раньше-то, когда она не была еще настолько грешна, от змеиного взгляда Дёне у нее стыла в жилах кровь. А сейчас и вовсе...

На прощание Дёне добавила:

– Уехали, конечно, те, кто не повесился. Были и такие, которые повеситься предпочли.

После ее ухода Мерьем с содроганием посмотрела на сваленные в углу мотки веревок, бечевки и шнуров. А может, ее заперли здесь для того, чтобы она повесилась? Деревянные балки и брусья на потолке амбара, лежащие на полу веревки – все будто нарочно здесь для этого дела. Если захочется повеситься, то более подходящего места, чем этот амбар, не найти.

Размышляя над коварной усмешкой Дёне, которая проскользнула во время разговора, Мерьем все глубже убеждалась, что в ее словах прячется ужасный смысл. Дёне явно и с отцом Мерьем говорила об этом. Влияние этой молодой женщины, новой невестки, на отца было огромным. Ведь после второй жены, которая оказалась бесплодной, эта родила ему двоих детей.

Значит, ее семья нашла ей подходящее наказание: они хотели, чтобы Мерьем без лишнего шума повесилась – смыла кровью позор. Со временем все забудется. К тому же кто обвинит семью в грехах девушки, если она покончила жизнь самоубийством? Мерьем помнила, как все часто во всех подробностях судачили с притворными печальными минами о двух повесившихся девушках...

Она взяла в руки витой жгут, лежащий в углу. Веревка противно шуршала, она была старая, ею часто пользовались, и местами она обтрепалась. Концы веревки свисали свободно. Мерьем подняла взгляд, решаясь, посмотрела на разохшуюся балку. Она часто слышала раньше, как это делается. Надо забросить веревку и закрепить на балке, подтянуть другой конец, завязать его и, встав на колоду, просунуть голову в петлю. Затем оттолкнуться и выбить опору из-под ног. И повиснуть. Сперва может заболеть горло, однако через пару минут все пройдет. Смерть, должно быть, похожа на глубокий сон, такой, в каком уже никогда не увидишь эту ужасную птицу Анка.

«Интересно, мертвецы видят сны?» – подумала она.

Оттуда еще никто не возвращался, поэтому никто не знает, видят ли они сны. Может, ее покойная мать в этот момент видит ее во сне. Наверное, она очень сердится из-за того, что Мерьем думает повеситься. Конечно, какая мать захочет увидеть, что ее дочь наложила на себя руки?

Подержав немного в руках веревку, Мерьем швырнула ее на землю, словно змею:

– Пошла вон!

И вдруг почувствовала легкость. Почему-то ободрилась и даже засмеялась.

– Не расстраивайся, мамочка! Посмотри, я не убила себя.

А потом она поняла причину своей внезапной радости: Стамбул! Дёне обмолвилась, что тех девушек, которые не наложили на себя руки, отправляют в Стамбул. Значит, она тоже, как и те, другие, отправится в большой и прекрасный город за лысой горой...

«Если бы мне только разрешили, то я немедленно, даже пешком, пошла», – подумала она.

Даже пусть на ночь глядя, но пошла бы!

Однако пока дядя не примет решения, она не сможет уйти. Сбежать Мерьем даже не надеялась. Ведь ее дяде прислуживали джинны, которые знали обо всем, открывали ему тайны...

По мнению дяди, все люди грешны, но женщины – просто исчадия ада. Они достойны наказания уже за одно то, что родились женщинами. Женщина – порождение шайтана, грязное и опасное. Как праматерь Ева – Хавва, она обрушивает на голову мужчины беды, и за это нужно почаще лупить ее – как говорят, по животу палками, по спине розгами. Мерьем с детства слушала все это и ненавидела себя за то, что родилась женщиной:

– Бог мой, ну почему ты создал меня женщиной? – мучилась вопросом, искренне считая себя погрязшей в грехе.

Когда она была тощим ребенком с ручками и ножками-ниточками, все было намного легче. Она вместе с другими детьми носилась с утра до вечера, как жеребенок по пыльной деревушке, застроенной кирпичными и каменными домами, где ограды садов подпирали старые колеса от телег, где протекал грязный ручеек.

Иногда, придя на берег бескрайнего лазурного озера, они заходили в воду по колено и начинали брызгаться. С дядиным сыном Джемалем, который был старше ее на четыре года, и его самым близким другом Мемо, вместе с другими девочками и мальчиками, они играли, бросая на растрескавшиеся стены глину. Они наперебой мчались, чтобы первыми залезть в брошенные кое-где остовы старых автомобилей, забирались на плоские стены и разоряли птичьи гнезда.

С того времени, когда ее груди налились, как два бутона, а тело приняло округлые формы и начались менструации, она больше никогда не общалась ни с Джемалем, ни с Мемо. Они были людьми, а она грешницей. Теперь ей было необходимо укрываться, укутываться, прислуживать, нести повинности – ничего, кроме этого, делать она была недостойна. Ведь от женщины, как порочного создания, в этом мире исходили только беды...

Мерьем заставили покрыть голову. Даже в знойные летние дни она не снимала с себя теплой одежды. Укутанная, ужасно потев под пятидесятиградусным солнцем, она тянула свою горькую ляжку.

Вступив в женскую пору, она никак не могла понять: зачем вообще матери рожают дочерей. Лучше пусть девочки умирают при рождении. Если бы Аллах не хотел ее карать, не делал бы женщиной, а сотворил мужчиной. А при таком раскладе – и не живешь, и не умираешь.

И она принимала свою тяжелую кару. Дело известное, как только у девочки открывается это место, тут же она становится грязной. Из-за него в грех и впадешь, из-за него расплываешься. Мерьем потеряла счет молитвам, в которых просила об исчезновении этого проклятия. Умоляла: Аллах Всемогуший, пусть я однажды утром проснусь, а это место пропало! Однако ежедневно находила наказание там же, и ее окутывало отчаяние...

В детстве, когда она писалась в постель, тетка пугала ее, что подожжет ей это место. Один раз даже, взяв спичку, тетка подожгла ее и поднесла прямо туда, но в последний момент чего-то передумала. Повзрослев, Мерьем много раз повторяла: «Чтоб ты сгорело!»

Грех, совершенный в раннем детстве, пал проклятием на ее голову. Все случилось на святом месте, у гробницы Шекера Бабы.

Гробница Шекера Бабы располагалась высоко на холме, каждый приходящий туда рассказывал о своих бедах, читал молитвы, привязывал ленточки, и беды отступали. Когда она была маленькой девочкой, ее тоже взяли с собой, а чтобы она не устала, посадили на спину осла. Тогда ей было четыре или пять. Несколько часов, раскачиваясь в седле, они взбирались по извилистой тропинке на лысую гору. А потом, придя к мазару Шекера Бабы, все опустились на землю и с закрытыми глазами воздавали руки. Мерьем спросила свою тетю, что надо делать, а та зашипела на нее: «Ш-ш-ш! Мы сейчас уснем!» И показав на тех, кто молился с закрытыми глазами, произнесла: «Посмотри, все спят. Ты тоже глаза закрывай и спи».

Мерьем, так же, как все, опустилась на землю и протянула руки, глядя в небо, однако не смогла уснуть, как другие, потому что захотела писать. Она терпела изо всех сил, но безуспешно.

Приоткрыв глаз, она посмотрела вокруг. Все спали. Больше она не могла сдерживаться и почувствовала, как теплая струйка побежала по ногам. Она снова осмотрелась, не заметили ли кто, но, слава богу, все спали. А значит, уже и она, так же как все, могла спокойно заснуть.

Спустя какое-то время тетя произнесла: «Все, пора идти!» Проснувшись, Мерьем ничего не помнила, однако на обратном пути тетя, усаживая ее на осла, заметила, что случилось, и напустилась на нее: «Дочка, это что? Ты не нашла другого места, чтобы пописать?» А потом она долго-долго втолковывала ей, что случается с той, кто пописает во время зиярата к Шекеру Бабе: между ног ее появится рана – так Аллах наказывает плохих людей! Всю дорогу назад ноги Мерьем, сжимавшие седло, горели. Она так испугалась теткиных слов, что и дома долго не могла прийти в себя, все ждала, что на нее нападут джинны и чудовищные албасты[2 - Албасты – женские демонические персонажи в мифологии тюркских и некоторых соседних с ними народов. Обычно представляются в виде уродливой обнаженной женщины с длинными распущенными желтыми волосами и обвислыми грудями.] придут, чтобы утащить ее, а на грешном ее месте разверзнется рана. Она так плакала, что глаза распухли...

С этого дня она знала, что за бесстыдство и недопустимый грех Шекер Баба накажет ее и на голову ее упадет много несчастий. В итоге так все и получилось. Грешное ее место расклевали птицы, а ее саму выгнали из дома и заперли в амбаре, чтобы позже страшно наказать. Интересно, чем же все

закончится? Всех таких вот, как она, опозоренных девушек отправляют в Стамбул, или, может, есть что-то более ужасное? Она не знала. Все решал глава дома – дядя.

Даже отец Мерьем, этот кроткий, безропотный человек, занимающийся земледелием, боялся старшего брата. Преклонялся перед ним – и по вере своей, и по возрасту. Несмотря на то, что отец давно был взрослым, самостоятельным человеком, он рядом с братом не курил, а если тот случайно заставал его с папиросой, то младший предпочитал либо спрятать окурок в кармане брюк, либо затушить в ладони.

Дядя занимался приходящими к нему мюридами и религиозными делами. А на плечах отца лежало обеспечение семьи и возделывание нескольких земельных участков. Отец, Тахсин-ага, занимался всем: следил за скотом, пастухами, нанятыми крестьянами, издольщиками и наполнял домашние амбары урожаем, собранным на выделенных издольщикам угодьях.

Оставшееся от армян поместье было обширным, так что вся семья проживала здесь вместе. Раньше этот дом принадлежал человеку по имени Оганес, которого все в деревне очень любили и который помогал каждому. Но однажды пришли военные и сказали, чтобы все армяне деревни собрались у подножия деревенского холма, взяв с собой вещи, сколько могут унести. Армяне, с плачами и стонами, волей-неволей подчинились и, бросив на деревню прощальный взгляд, ушли. Больше их не видели и не слышали. Никто из них не вернулся обратно. Говорили, что военные увели их очень далеко, однако об этом только шептались. Некоторые армяне, уходя, оставляли свои ценные вещи на хранение соседям-мусульманам, говоря, что заберут их, когда вернутся, но с того времени прошли десятилетия, а от армян не было ни слуху ни духу.

Тут была еще одна странность: в деревне поговаривали, что некоторые пожилые деревенские женщины были на самом деле армянками. В послеобеденных полусонных разговорах тетушки Мерьем шептались, что эти пожилые женщины были армянскими девочками, которых в те злополучные дни семьи, не зная, что ждет их впереди, оставили соседям-мусульманам... В семьях девочкам сменили имена «Ани» или «Ануш» на «Салиха» и «Фатьма», вырастили их как мусульманских девочек, а потом выдали замуж. Деревенские никак не могли решить: если этим девочкам сменили религию, то дозволено ли выдавать их замуж по мусульманским обычаям, а главное, потом – хоронить на мусульманском кладбище под похоронный намаз? Поэтому во время намаза

ходжа спрашивает общину: «Знаете ли вы покойного?», и все хором свидетельствуют: «Мы хорошо знаем!» Потом имам со словами: «Госпожа – человек правильной веры» начинает намаз, и все тоже совершают намаз. Но возможно, эти мужчины-мусульмане совершали намаз и для какой-то женщины-христианки. То есть – и для женщины, и для христианки! Удивительные вещи творятся на свете!

После высылки армян в оставшихся после них домах поселились мусульмане, разобрав армянские пашни и рабочие места. Поместье семьи Мерьем было одним из самых больших в селе. До Мерьем доходили сплетни, будто это поместье ее дед, Пехлеван Ахмет, отобрал. По всей округе ходили легенды о его огромной силе.

Самыми любимыми рассказами, которые Мерьем могла слушать бесконечно, были рассказы о детстве дедушки Ахмета. Она вся раздумывалась, когда слушала историю о том, как мать Ахмета постоянно кормила его брата молочными сливками, Ахмета это очень злило, хотя виду он не показывал. В один из дней, когда матери не было дома, Ахмет вывел из хлева ишака, вскинул его себе на плечи и притащил на второй этаж, а оттуда – на крышу дома. Вернувшись с поля домой, мать и отец никак не могли уразуметь: каким образом ишак оказался наверху! А потом принялись ломать голову, как же снять ишака с крыши. Зная силу Ахмета, они умоляли его спустить ишака вниз. Ахмет же смеялся и отвечал: «Кто ест сливки, тот пусть и ишака снимает». На этом история кончалась, а маленькая Мерьем думала, что ишак до сих пор стоит на крыше, и постоянно пыталась там его разглядеть. Только потом она поняла, что дом уже давно другой.

Однажды Мерьем спросила тетю, правда ли все эти истории, а особенно те, что рассказывают об армянах, и тетя подтвердила, что это действительно так. Исчезновению десятков армян предшествовало знамение. В один февральский день в селе разразилась страшная буря: ветер ревел как сумасшедший, он рушил минареты, вырывал с корнем деревья, уносил крыши. Однако таинственней всего оказалось то, что и армян словно сдуло на небо ветром. В мудрости Всевышнего не может быть сомнения. Этот божественный ветер не затронул деревенских мусульман, однако все армяне, сколько их ни было, и мужчины, и женщины, со всеми своими чадами и домочадцами словно бы испарились. Может, они тоже были любимыми рабами Всевышнего и были вознесены как их пророк Иисус?..

Мерьем очень понравился рассказ о вознесении армян. Это было чудо! Закрыв глаза, она пыталась представить, как гуляют по небесам армянские девочки. Она видела, как мамы с отцами сидят на облаках и говорят своим детям, парящим радостно в небесной синеве: «Ребята, уже поздно, давайте-ка возвращайтесь на свое облако!»

Днем большинство членов семьи оставались дома, а дядю в это время дома было не застать. И хорошо, что так! В стоявшем на отшибе садовом домике дядя принимал визитеров, давших обет, а иногда уединялся там и молился в одиночестве. В такие дни дети приносили ему еду в судках. Даже отец, Тахсин-ага, мог видеть своего брата только в мечети.

После вечернего намаза женщины накрывали стол, и пищу сначала принимали мужчины, а женщины ждали, стоя за их спинами. После того как трапеза заканчивалась, женщины уносили остатки на кухню и ели там. Дядя очень сердился, если за едой разговаривали и время приема пищи затягивалось. Поэтому пока все быстро хлебали обжигающий суп, следом уже шел мясной плов, а поверх всего – пахлава. Нельзя тратить время на застолья, это недопустимо! После еды наступал час вечерней молитвы. Дядя становился впереди, как имам, отец, Тахсин-ага, с дядиным сыном Джемалем выстраивались сзади – и совершался намаз. Во время месяца Рамадан мужчины, конечно же, ночью шли в мечеть, чтобы совершить там намаз-теравих[З - Теравих, тара?ви?х – желательный намаз, который совершается в месяц Рамадан после обязательной ночной молитвы (иша) и длится до появления зари.].

Жена Тахсина-ага умерла во время рождения первого ребенка – ее, Мерьем. А вторая его жена оказалась бесплодной, и на протяжении нескольких лет у него не было других детей. Дёне, на которой он женился позже, родила ему одного за другим двоих.

Но они пока еще были очень маленькими. У дяди же было три дочери и два сына. Старший сын Якуб двумя годами ранее со своей женой Назик и двумя детьми переселился в Стамбул. Из крайне редких новостей все знали, что у семьи все очень хорошо, что в Стамбуле, настоящем «городе золота», живут они богато. Младший брат Якуба Джемаль отправился на юго-восток страны для прохождения военной службы. А дочери – старшая Айше и средняя Хатидже – уже вышли замуж.

И дом опустел.

Когда стало известно, что Джемаль находится в составе специального подразделения в горах Габар[4 - Местность в турецкой провинции Ширнак, на границе с Ираком и Сирией.], где воюет против курдских повстанцев, то его отец начал возносить молитвы к Всевышнему с просьбой уберечь сына: «Аллах Милосердный, спаси и помилуй!» Из-за того, что радио и телевизор, как изобретения неверных-гяуров, в их доме были запрещены, а в приходящих от Джемалья письмах не содержалось секретной информации, то есть сведений о бойцах, павших смертью храбрых во время боестолкновений, там не было, никакой информации о сыне семья толком не получала.

Профессор плачет

В то время, когда в пыльной деревеньке на берегу озера Ван Мерьем пребывала в нерадостных думах, в 1300 километрах западнее, в распростертом на двух материках городе Стамбуле, профессор, доктор наук Ирфан Курудал, которого часто называли просто Профессор, сорока четырех лет, обладатель известного имени и множества званий, проснулся от собственного крика, зная наверняка, что с момента, как он заснул, не прошло и получаса. Потому что в последнее время такие пробуждения вошли в привычку.

Не знавший за всю свою жизнь бессонницы профессор в последние месяцы, как обычно, ложился чуть позже полуночи и, как только касался подушки, погружался в спокойный сон. Однако вскоре он вскакивал от страха. Ему снилось, будто чернокрылая птица клевала его грудь.

Алкоголь не помогал. Что пей, что не пей. Он уже проверял.

Он привык ложиться в одно и то же время и спать беспробудно до восьми утра, и его очень радовал такой распорядок. Но теперь каждая ночь была бессонной. Нервы у него стали ни к черту, и только кое-как под утро он заставлял себя снова заснуть.

На первый взгляд у профессора не было никаких проблем: с женой все в порядке, в университете тоже, его часто приглашали в качестве обозревателя на телевизионные передачи, и ведущие, обращаясь к нему «Ходжа, ходжа!»[5 -

Ходжа – вежливое обращение к учителю, наставнику, преподавателю.]», демонстрировали глубочайшее уважение. И раньше Профессор появлялся на экране, однако после того, как стал участвовать в еженедельных ток-шоу, его стали узнавать все – и свои, и приезжие, и на улицах, и в магазинах. Белая борода этого крупного человека резко контрастировала со смоляной шапкой волос, и кто его видел хоть раз, уже не мог забыть.

Да уж, Профессор был неподражаем!

И вот сейчас свет от фонарей из сада падал в комнату, освещая ночную тьму, а неподражаемый профессор, трясаясь, как мышь, от страха, старался не разбудить спящую рядом жену, и этому страху не было конца. Из опыта прошлых ночей он знал: если продолжать лежать в постели, со страхом не справиться.

Нужно принять лекарство.

Бесшумно поднявшись, он отправился в ванную. У них с Айсель были отдельные ванны комнаты. Как только он повернул выключатель, свет заиграл на дорогой европейской сантехнике, засверкал мраморный пол. Так же, как и другими ночами, опустившись на край ванны, он начал раскачиваться.

«Ты – здоровый человек, – повторял он. – Нет никакой проблемы, никакого повода для страха. Не бойся, мальчик, не бойся! Это – твой дом. Тебя зовут Ирфан Курудал. Женщина, которая лежит в постели, твоя жена Айсель. Вечером мы вместе с шурином Седатом и его женой Иджляль ужинали в отеле Four Seasons. Много смеялись, веселились. Суши, которое мы ели, было великолепно. Не бойся! Пожевав ломтик лимона, ты выпил две бутылки холодного пива Corona. Остальные предпочли французское вино Sancerre. Нет ничего ужасного. После ужина Седат отвез вас домой на «рэндж ровере». Включив телевизор, пять-десять минут ты смотрел разные реалити-шоу. Как всегда, ерунда – длинноногие, большегрудые девицы... Ты же знаешь, что Айсель к таким вещам не ревнует, она понимающая, умная. Так что смотри, бояться абсолютно нечего».

Он думал все это – и в то же время смертельно боялся, так что сердце выпрыгивало из груди. Казалось, он уже и не Профессор вовсе, доктор наук Ирфан Курудал, а в его теле живет совсем другой человек. На протяжении нескольких месяцев он словно со стороны наблюдал за своей жизнью.

Он не знал, что стало причиной всему происходящему – увиденный ли им тот самый зловещий сон, или что-то другое помимо сна открыло путь его страхам. По мнению профессора Ирфана, самым плохим в снах было то, что человек не мог управлять происходящим.

Однажды ночью он увидел себя в маленькой больничной палате, куда пришел провести какого-то больного. Профессор поставил в вазу принесенные цветы, сел на стуле напротив кровати. Настолько близко, что мог коснуться больного. Станным было то, что лежавшим в кровати человеком в пижаме был он сам. Выходило, Ирфан Курудал пришел провести самого себя. Он сидел напротив самого себя, молчал и смотрел на собственное изможденное больное лицо.

А потом начался настоящий ужас. Рядом с сидящим на постели больным возникли несколько образов, а потом из них соткалось «нечто». Под взволнованным и испуганным взглядом Профессора это «нечто» медленно принимало форму, и вдруг напротив него возник еще один Ирфан Курудал. Три Ирфана Курудала – два, сидящих на кровати, и еще один, собственно, он сам. Все они безмолвно взирали друг на друга.

Через некоторое время два Ирфана, те, что на кровати, очень медленно, синхронно повернули головы направо. И теперь он видел их обоих в профиль.

А потом случилось самое страшное. Два лица, которые он видел в профиль, начали распадаться. Сначала пропали щеки, потом рты, подбородок, лоб. И самыми последними исчезли глаза.

Во сне Профессор завопил как резаный, жена Айсель, тихонечко потряса за плечо, разбудила его, и он был очень благодарен ей за это.

Айсель всегда спала беззвучно, даже дыхания нельзя было услышать. Учитывая, что его храп был подобен раскатам грома, можно было сказать, что по ночам не везло Айсель, но не ему.

Благодаря гимнастике, которой она занималась шесть дней в неделю, жена оставалась гибкой, подтянутой и, хоть разменяла пятый десяток, совсем не постарела. Иногда, просматривая вместе порно на DVD, они восхищались телами упругих красоток Тани Руссоф и Сильвии Сайнт. А потом Айсель в реальности воплощала точь-в-точь все, что они видели в фильме.

Иногда, проснувшись, он смотрел на ее лицо и твердил сам себе: «Смотри, вот твоя жена! Это твоя жена. Ее зовут Айсель!»

Пластической операции на правильном лице Айсель подвергся только нос. И так-то не очень большой, он был аккуратно уменьшен и легонечко вздернут вверх. В своем кругу она слыла женщиной, которая сделала меньше всего пластики.

Она занималась спортом, следила за модой, следовала программе диет Скарсдейла и упражнений Натана Притикина, всегда перед едой принимала пилюли для похудения, так что не нуждалась ни в какой липосакции.

Ей повезло найти одного бразильского хирурга, регулярно бывавшего в Стамбуле, связанного только с двумя-тремя ее знакомыми, который делал пластические операции на носу. Пластическая операция носа требовала высокого мастерства – так чтобы потом не было проблем с дыханием, и после того, как врач снял повязку, кроме синяков, державшихся несколько недель, других осложнений у Айсель не было. Некоторые ее подруги после операций не могли дышать, губы у них распухали, словно искусанные пчелами, а кое-кто даже вообще чуть не лишился носа.

«Вот, это твоя жена! – твердил себе Ирфан. – Это твоя любимая жена! Совсем ведь нечего бояться!»

Поскольку Айсель была дочерью одного из стамбульских судовладельцев, ему не было нужды зарабатывать деньги, однако после того, как с помощью шурина Профессор попал на телешоу, его доходы сильно возросли. Раз в неделю он появлялся на экране, вел беседу с коллегами и за это получал в месяц семь тысяч долларов. Этот дополнительный заработок он даже не тратил, а клал на накопительный счет в банке, а сверху капали еще двадцать пять процентов, да не в турецких лирах, а в долларах.

Друзья, державшие вклады в турецких лирах, выигрывали гораздо больше. В периоды кризиса они обналичивали банковские чеки и получали порой до пятидесяти процентов прибыли, играя на биржевом курсе. Профессор предпочитал держаться подальше от таких дел. Все же он был ученым, а не банкиром. Но если банк предлагает высокий процент, глупо отказываться...

Прямо скажем, шурин Седат от такого его поведения слегка психовал, но не особо, только встречаясь за ужином, он жужжал в уши, что Ирфан мог бы увеличить свои деньги в пять-десять раз, но переубедить его было невозможно.

Ужинали они обычно не дома. Как правило, в каком-нибудь новом ресторане. Они выбирали модные стамбульские рестораны «Кухню Чанга», или «Даунтаун», или «Циркус», где сочетались минимализм обстановки и изысканность блюд. Одно время они сильно пристрастились к «Пэйпер Мун», но когда в их окружении заговорили, что «это место пришло в упадок, туда ходят все подряд», они перестали туда ходить. Рыбные ресторанчики на берегу Босфора, куда прежде частенько заглядывали, они теперь посещали уже гораздо реже. Теперь они предпочитали крытый японский ресторан за его превосходные суши и сашими, голубую рыбу и рыбу-меч.

«Я очень счастлив», – подумал Ирфан Курудал и начал плакать. Почувствовав, как слезы катятся по щекам, он снова повторил: «Я очень счастлив!» Потому что все – в твоих руках, и жена учила его тому, как надо жить, и в переводных книгах, которые он читал, предписывалось думать только о хорошем. Да и учения Дальнего Востока, дзен-буддизм, философия Дао тоже говорят об этом: «Оставь свою жизнь течь как поток реки, думай о хорошем – и все будет хорошо, источник всего плохого в мире – отрицательные мысли».

После окончания Босфорского университета Айсель отправилась для совершенствования образования в Бостон, а там познакомилась со студентом Гарварда, живущим на стипендию – Ирфаном, вышла за него замуж и никогда в своей жизни не работала.

Они оба считали, что более веселого города, чем Стамбул, на свете нет, они вернулись назад, и в самом деле – в этой византийской и османской столице их жизнь пестрела развлечениями.

Еще месяц тому назад Ирфан чувствовал особую привлекательность этого хаотичного города, в котором жили миллионы людей, размышлял о его энергетике, подобной Нью-Йорку. Окружающие город миллионы мигрантов и даже уродливые строения, заполнившие районы, были источником особых эманаций. Разве не по одним и тем же моделям идет развитие?! Даже то, что в одном из этих ужасных районов открывается ресторан под названием «Goodfellas», делает Стамбул похожим на переполненные преступностью и невежеством районы Нью-Йорка.

Брат жены, рекламодаватель, часто говорил: «Для большого мегаполиса просто необходимо, чтобы в нем совершалось определенное число преступлений. Здесь же преступлений недостаточно. Вот только этого нам не хватает».

А потом натужно смеялся.

Стамбул не развивался органично, подобно европейским городам. Словно в Нью-Йорке, здесь жили вперемешку такие разные люди – богатые, бедные, изысканные и невежественные. В Стамбуле, так же как и в Нью-Йорке, который они с Айсель посещали ежегодно, с каждым годом увеличивалось число индо-китайских ресторанов – «Нобу», «Чайна гриль», «Аквавит», «Асья де Палм»...

А за счет большого количества африканских мигрантов город изрядно почернел.

В этом динамичном, полном возможностей мегаполисе Профессор был одним из самых успешных, самых уважаемых, самых образованных и самых утонченных людей. Он не сорил деньгами, подобно пошлым толстосумам, много читал, ходил на выставки; каждый год во время Стамбульского фестиваля посещал концерты в Церкви Святой Ирины и в Амфитеатре – один восхитительнее другого. От Берлинской филармонии до Паваротти, The Manhattan Transfer и Ника Кэйва.

По утрам он обожал просыпаться под флейту Жан-Пьера Рампаля. А потом под звуки этой волшебной музыки плавать в крытом бассейне, расположенном на нижнем этаже дома. Айсель тоже нравилась классическая музыка, казалось, она разделяет пристрастия мужа. Однако популярной музыке не было места в их повседневной жизни. Ирфана слегка воротило от ночных клубов на Этилере, заполненных певцами-трансвеститами и геями, но в то же время эта причудливая восточно-западная какофония будоражила его чувства. Живя на Востоке, будучи восточным человеком, он старался оставаться европейцем, сохраняя вокруг себя пространство западной культуры. Но он не был снобом и не чурался культуры низов...

В минувшем году на вечеринке по случаю его дня рождения Ирфану открыли одно злачное местечко – мол, главное, «чтобы было весело!» (В последнее время понятия «место» и «удовольствие» определяли статус людей.) Там наряженный в нечто среднее между женским и мужским одеянием дородный гей-певец (их уже не называли, как раньше, гомиками) прохаживался между столами, за которыми выпивали посетители. Наклоняясь к ним, он толкал каждого животом,

заставляя встать. Скоро почти все женщины забрались на столы и под восточные ритмы барабана принялись вилять бедрами, трясти животами и грудями. Сидящие за столами мужчины наблюдали – и не могли отвести глаз от выставленных напоказ соблазнительных ножек в длинных разрезах платьев.

Ирфан созерцал вспотевший, покрасневшийся от танца живот Айсель и думал, что все это – один из видов катарсиса.

Таким образом происходит разрядка сексуальной энергии общества, это своего рода ритуал очищения. В повседневной жизни большинство мужчин скандалят со своими женами по поводу их слишком откровенной одежды, а вот здесь им очень нравится, как их полуголые жены танцуют чувственные танцы с чужими мужчинами. Он вспомнил одно выражение Никоса Казанзакиса. В своей автобиографии «Письма к Эль-Греко» Казанзакис говорит: «Свет Елены – святость, а Ионии – похоть». Он был прав. Здесь в самом деле царила атмосфера вожделения. Архаичные четырехтактные восточные ритмы барабана или ориентальский сложный восьмидольный музыкальный размер лишают людей рассудка. Другую музыку они слушают фоном, а от этих ритмов будто сходят с ума и пускаются в похотливый пляс...

«Это значит, – думал Ирфан, – что для страны, наравне с государственным флагом, важным понятием является и чувство совместного ритма. Не мелодия – ритм. Культуры отличаются друг от друга ритмом».

Однажды он видел это собственными глазами в Нью-Йорке, на нижнем этаже торгового комплекса «Virgin Megastore», на Таймс-сквер. В этом огромном магазине была секция, где посетители могли прослушивать новые CD-диски. Латино, джаз, классика, африканская музыка, мелодии Ближнего Востока, поп, рок. Надев на голову наушники, слушающие каждый по-своему реагировали на музыку движениями тела.

Те, у кого в ушах гремел джаз, дергались, слегка согнувшись, в джазовых ритмах, слушающие латино раскачивали бедрами, а те, кто внимал музыке Среднего Востока, вращали талией и покачивали животом. Смотреть на них со стороны было очень смешно, все они исполняли для зрителя свой беззвучный танец...

Ирфан открыл шкаф с лекарствами, который скорее напоминал аптеку. Среди сотен лекарств, собранных со всего мира, он выбрал золпидем. Он, если уж не обеспечивал полноценный сон, то помогал ему забыться хотя бы ненадолго.

Вдруг Ирфан осознал, что его охватила одна из самых тяжелых панических атак за последнее время. Хорошо, что Айсель не видит всего этого, хорошо, что она спит безмятежным сном, словно судно на якоре в безопасной гавани. Если причину этого страха он не мог понять даже сам, то как объяснить это жене?

Но правда ли это? Так ли уж не знал он, не понимал?

«Не ври, – сказал он сам себе. – Не ври!»

Он был уверен, что у Айсель заранее готово решение: немедленно к психологу! «Поговори со специалистом, он тебя успокоит. Это же их работа», – как-то так. Во многих уголках мира одновременно повторяются такие же слова-клише.

Знал он и то, каким будет заключение психотерапевта.

На самом деле отчаяние, охватившее Профессора, было понятным ему, источник – известным. А паниковал он, потому что не пытался найти выход. Докопайтесь до проблемы – и ваши ночные кошмары станут ясными как день! Об этом можно прочитать в книгах. Например, такая книга, как «Спящий Эндимион», помогает людям толковать причины страхов. Будучи пастухом, Эндимион влюбился в богиню Луны. И боги наказали его за это. Согласно предложенному наказанию, он должен был тут же выбрать для себя новую судьбу. Для Эндимиона это оказалось невозможным, и он предпочел остаться вечно молодым, пребывая в беспробудном сне.

Как только он прочитал эту мифологическую историю, сразу понял, в чем его проблема. Профессор, подобно Эндимиону, боялся неизвестности в своей судьбе. Ведь будучи человеком, он не мог знать, как сложится его жизнь – как он поступит, если случится катастрофа, какие болезни на него нападут, как он умрет, а это означало, что он теперь разделит участь Эндимиона, поскольку ни один смертный не может вынести бремени этого мира.

Вся жизнь Профессора перевернулась, когда он осознал это. Словно крепость, которую он воздвиг вокруг себя, перестала его защищать, а принялась

наоборот – душить. Потому что он знал, что до конца своих дней он будет сидеть в одном и том же доме, в одном и том же кресле, смотреть телевизор, произносить одни и те же слова. И в конце концов в один из дней на улице, как водится, послышится завывание сирены «Скорой», на которой его увезут в больницу, где он и умрет. А если же ему посчастливится не попасть в больницу, то он окочурится на матрасе Dunlopillo или в кресле Ligne Roset. Теперь он думал о десятках находящихся в доме когда-то с любовью подобранных мебельных гарнитуров и комфортных кроватях как о временном склепе.

С Айсель у него проблем не было, он даже любил ее, однако свою судьбу выносить больше не мог.

И он плакал.

От женщины-профессора на одной из конференций в Париже он почерпнул новое понятие, которое оказалось маяком, в последний момент осветившим дорогу кораблю, застигнутому врасплах морской бурей. Это понятие было «метанойя». Из-за того, что раньше никогда об этом не слышал, он даже смутился, однако впоследствии, поняв, что очень мало людей знакомы с этим термином, успокоился. Метанойя означала – выйти за пределы самого себя, преодолеть себя, встать над самим собой.

По сути, все наши проблемы заключены в понятии «самость». Что значит «сам», «себя», «я»?

Даже повторяя десять раз кряду свое имя, человек чувствует, что не принадлежит сам себе; если от рождения до смерти в своем сознании он произносит «я» или «сам», то почему на всем этом лежит печать отчуждения? Профессор долго ломал над этим голову, пока наконец не понял, что в этом термине заложен глубокий смысл отрешенности или абстрагирования. Каждый отрешен, каждый отрешается. Отрешенность спасает нас от таких тюремных надзирателей, как общественные правила и жестокость окружающего материального мира. Заплутав на жизненном пути, мы расслабляемся, погружаясь в теплые воды источника, называемого привычкой. И в итоге наш путь завершается тем, что мы сидим дома в знакомом мягком кресле и можем даже с закрытыми глазами отыскать кран в ванной или подушку, на которую можно положить свою голову. Люди похожи на собак, которые метят свою территорию, и чувствуют себя достаточно уверенно только на ней: формула человеческого счастья заключается в том, чтобы находиться среди знакомых

вещей и знакомых запахов.

Достоевский, вернувшись из Европы в Россию, описывал свои чувства так: «Словно я всунул ноги в свои старые домашние шлепанцы». Всунуть ноги в старые шлепанцы... В самом деле, прекрасные слова, ведь люди живут именно так. Если бы этот мир не был привычен, то они чувствовали бы себя словно выращенный в подвале и брошенный на площади Каспар Хаузер[6 - Каспар Хаузер – «Дитя Европы» (1812–1833), найдёныш с таинственной судьбой, одна из загадок XIX века. Народная молва упорно его считала похищенным из колыбели наследным принцем баденского престола.]

Однако Профессор устал быть Каспаром Хаузером, заключенным в рамки обыденного выхолощенного мира, который кто-то бы назвал «счастье», он был готов отказаться от надоевшего ему чувства безопасности. Ради этого необходимо было войти в состояние метанойи. Каждый в один из моментов своей жизни должен достичь своей метанойи.

Под влиянием золпидема его глаза начали слипаться, со слегка замутненным рассудком он двинулся в спальню. В сумрачной комнате Айсель, как всегда, спала спокойно и беззвучно. Одну ногу она закинула поверх одеяла.

Профессор проскользнул в постель, положил голову на подушку, и его затуманенному сознанию, уже готовому погрузиться в сон, явилось видение: бескрайнее море и два молодых человека. Он сам остается на берегу, а его друг Хидает уплывает в Александрию, чтобы увидеть город Кавафиса[7 - Константинос Кавафис (1863–1933) – александрийский поэт, который стоял в стороне от словесного канона своего времени и лишь после смерти был признан величайшим поэтом новогреческого языка.], – и вот уже раскрытый парус, как мечта, растворился в горизонте.

Интересно, смог ли он добраться до Александрии? Или пристал к какому-либо берегу посреди пути, застрял там и изменил свою жизнь? Возможно, ветры Зевса, иногда дующие в противоположную сторону, поглотили бы парусник его надежд, кто знает!

Бормоча: «Прощай, Хидает!», с мыслью о том, что бойся – не бойся, но твоя участь предрешена – двигаться напрямик к смерти, он провалился в тревожный

сон.

Чистая Невеста, прекрасная невеста

На расстоянии 1400 километров восточнее от Профессора и 100 километров от Мерьем, на военном посту, расположенном на заснеженной вершине в предгорьях Габара, сладко дрожа, проснулся Джемаль.

Снова во сне он увидел Чистую Невесту, рассказы о которой передаются из поколения в поколение среди молодых людей в его деревне. Глядя на запретное место Джемалья, Чистая Невеста спросила:

– Это что же, третий?

– Да, – ответил Джемаль и с огромным внутренним блаженством принялся ощупывать нежными прикосновениями самые укромные уголки ее тела под изумленным взглядом наивной девушки.

Молодежь в деревне не знала, кто такая Чистая Невеста, но, встретившись, они не могли не говорить о ней. Собравшись вместе, они с утра до вечера пересказывали истории о Чистой Невесте, пока не начинало саднить в горле.

До пятнадцати лет Чистая Невеста, словно драгоценный цветок, хранилась дома, оберегалась от всех бед внешнего мира, воспитывалась, ни о чем плохом не ведая. Мать с отцом не отпускали ее на улицу, не давали играть с другими детьми, не допускали таких бесстыдных вещей, как совместное пребывание девочек с мальчиками.

Когда Чистая Невеста достигла пятнадцати лет, святому человеку, пастуху Хасану, выпало счастье жениться на ней, и, осознавая ценность ее святого целомудрия, он хотел сохранить его.

В первую брачную ночь он сказал своей жене: «Я открою тебе один секрет, Чистая Невеста! Я не такой, как другие люди, которых ты видела». Чистая Невеста с тревогой посмотрела на своего мужа.

Хасан произнес: «У меня есть нечто большее, чем у других людей». И, открыв, показал. Невинная девушка, воскликнула: «Ах! Что это такое?!»

Хасан сказал: «Я покажу тебе, на что это годится», и провел всю ночь до утра, доказывая, что только он один из всех людей обладает таким удивительным даром. На наивном ранее лице Чистой Невесты с этого дня поселилась лукавая улыбка. Тайной, которую открыл ей муж, она не поделилась ни с кем, но стала смотреть на всех иронично, словно знала что-то, чего не знали другие.

Так пролетели два года, и настала пора Хасану идти в армию. Прежде чем уйти, он обнял жену, с которой разлучался на два года, и сказал: «Все это время будь умницей, послушно жди меня».

После того, как Хасан вернулся из армии, лицо Чистой Невесты было не улыбочивым, а в глазах поселилась странная печаль.

– Что с тобой случилось?

– Ничего, – ответила она. – Соскучилась по своему Хасану.

А оказалось вот что. В один из дней, когда она пребывала в рассеянной задумчивости, к ней зашел друг Хасана Мехмет.

– Чистая Невеста, – сказал он, – ты же не первая женщина, муж которой ушел в армию. Почему ты так изводишь себя?

Чистая Невеста ответила Мехмету:

– Но он ни на кого не похож!

Мехмет спросил, чем же он отличается от других. И Чистая Невеста, поскольку была наивна и целомудренна, ответила:

– У него впереди есть что-то, чего нет у других людей.

Мехмет понял хитрость Хасана и засмеялся:

– Чистая Невеста, у меня тоже есть то, о чем он говорил.

Чистая Невеста не поверила, подумала, что Мехмет обманывает ее, и Мехмет, чтобы доказать, что говорит правду, быстро вытащил свой аргумент на свет божий. Начиная с этого дня все ночи напролет Мехмет, тайком встречаясь с Чистой Невестой, усердно доказывал, что он не хуже Хасана.

Но, как уже было сказано, военная служба закончилась, и однажды Хасан воротился домой. И вдруг увидел, что Чистая Невеста изменилась и на него совсем не смотрит.

– Что с тобою случилось, Чистая Невеста? – спросил он ее.

– Ты – обманщик, – ответила ему Чистая Невеста. – Вот скажи, только у тебя спереди есть нечто удивительное?

Хасан воскликнул про себя:

«О боже! Упустил я свою Чистую Невесту!»

А вслух спросил, у кого же еще может быть это «нечто удивительное». И Чистая Невеста рассказала ему про Мехмета.

Хасан думал-думал: что же делать в этой безвыходной ситуации, как бы выкрутиться, и нашелся:

– А у меня два таких было. Я ему один дал.

От его слов Чистая Невеста заплакала навзрыд, начала причитать и голосить.

– Что случилось, – спросил Хасан. – Почему ты плачешь?

Чистая Невеста стукнула его кулаком по руке и сама не своя воскликнула:

– Почему ты свою такую хорошую вещь отдал ему, о мой Хасан?!

Подобно другим парням деревни, Джемаль так и не смог узнать, что же ответил Хасан Чистой Невесте и что он сделал, потому что, когда рассказ доходил до этого места, никто из ребят не мог удержаться от хохота. И каждый день, как только история доходила до этого места, тут же и обрывалась. Однако по ночам, оставшись наедине, Джемаль продолжал думать о Чистой Невесте и сам для себя сочинял продолжение этой истории. Он никогда не представлял себе лица Чистой Невесты, а видел в своих мечтах только ее белоснежное тело, и очень часто становился добычей искушающего его беса...

Джемаль с трудом вырвался из мягкого горячего сна о Чистой Невесте. Говорят же, что своими соблазнами шайтан загоняет человека в неловкое положение... Чувствуя внизу живота липкую влажность, Джемаль еще лежал некоторое время без движения, открыв глаза.

Холм освещала только одна лампа, зажженная в казарме, спящие солдаты храпели, в такт им трещал непрерывно горящий в печи уголь. Дежурный, стараясь никого не разбудить, открыв металлическую дверцу печи, подбрасывал внутрь низкосортные, слипшиеся куски угля. Джемаль почувствовал внутри неприятное ощущение. Ему было отрадно часто видеть в своих снах нежное тело Чистой Невесты, и, просыпаясь, он продолжал чувствовать трепетное наслаждение, однако у этих снов имелся и обременительный финал: встав, необходимо было совершить очистительное омовение. После погружения во грех вода должна была коснуться каждой точки – все тело, от волос до пяток, необходимо было омыть.

Он посмотрел на пластиковые часы Casio, время приближалось к двум. К трем надо было заступать в караул, значит, после омовения не останется уже времени поспать до предрассветного намаза. Если даже прикорнет – после пятнадцатиминутного сна просыпаться гораздо труднее. Короткое мгновение он думал о том, что вот бы не вылезать из теплой постели, не выходить в леденящий мороз, а остаться, свернувшись, под хорошо нагретым одеялом, и снова, мечтая о медовом теле Чистой Невесты, погрузиться в сон. Так или иначе, пришедший для смены трехчасового караула сержант так потрянет его за плечо, словно собирается сломать руку. Может, потом, после караула, он найдет возможность совершить омовение...

Джемаль совсем было свыкся с этой успокоительной мыслью, но вдруг перед его глазами появился отец. Чернобородый, он гневно покачивал в руках четки, его глаза пронзительно резали сына...

С детства внутри Джемала поселился трепетный ужас перед отцом. И снова он поддался соблазнам шайтана, снова впал в грехи! Он мечтал о Чистой Невесте, продолжал спать, не совершив очистительного омовения, – самая малость осталась ему от грехопадения до открытых дверей ада. Хорошо, что и будучи далеко, отец предупреждает его. «После соблазна проклятого дьявола раб божий должен немедленно пройти через очистительное омовение и двумя дополнительными молитвами-ракаатами во время намаза вымалывать отпущение грехов. А не то, не дай Бог!..» По сути, он все начинал с этих слов: «Не дай Бог!», а затем из-под благословенных усов и бороды из сурового рта отца следовали описания предстоящих мучений и пыток. Человек может и не подвергаться этим наказаниям, надо только слушаться и понять, что женщины – обманщицы, разрушительницы, источник всех бед, которых шайтан использует на земле в качестве средства воздействия на такое слабое создание, как мужчина.

Несмотря на призрак отца, Джемаль не вставал с жаркой постели, внутренний голос нашептывал ему: а может быть, оставить все до утра, не выходить на улицу в лютую стужу и не мучиться, обливаясь ледяной водой, на этой далекой заставе, посреди застывших от ночной стужи заснеженных гор... Но с другой стороны, как можно знать наверняка, что случится на следующий день?

Нападут ли этой ночью на заставу? Подвергнется ли она новой атаке?

Сколько товарищей лишились жизни в этих налетах! Несущим службу на снежном склоне с большой долей вероятности могли снести голову очередью, выпущенной из автомата Калашникова. Разве не так случилось всего неделю назад с Салихом? А если уцелеешь ночью, то днем, во время операции, вполне можно стать шахидом, наступив на мину. Короче говоря, возможностей умереть здесь гораздо больше, чем возможностей выжить. И как бы ни хотелось еще понежиться в теплой постели, все же религиозные убеждения Джемала победили: самым большим из всех страхов в этом мире оказалась ритуальная нечистота.

Он приподнялся. Его место на верхнем ярусе позволяло ему рассмотреть в свете лампы, горящей до утра, товарищей, недвижимо спящих: кто-то повернулся на бок, кто-то лежал лицом вниз, а кто-то на спине, у кого-то был открыт рот, кто-то погрузился в глубокий сон, а кто-то бормотал в полудреме о том, что произошло днем. Кто-то скрипел зубами так, что казалось – вот-вот сломает их;

и храп разносился на всю округу.

Военная одежда-хаки из грубой ткани, которую они таскали дни напролет, по ночам сушилась у печи, в которой бушевал сильный огонь, и, когда пот испарялся, казарму наполнял спертый прелый запах. Выстиранное постельное белье тоже висело здесь. Возможности сушить белье на морозе не было. Оно мгновенно отвердевало, топорщась странным белым парусом на этой затерянной под снегом в Джабаре горной вершине. Поэтому мокрое белье растягивали поверху, под потолком казармы. А вот способ сушки носков был совсем другим. Когда побуревшие носки вытаскивали наружу из мокрых берцев, их можно было хоть в угол ставить. Постирав, солдаты прятали их под тельник и сушили прямо на груди теплом своего тела. Утром носки вынимали сухими-пресухими.

Джемаль выпрямился, спрыгнул вниз с верхнего яруса и голыми ногами нащупал привычную твердость берцев. Чтобы найти эти куски выделанной кожи, не было необходимости заглядывать под кровать. Ноги сами нащупывали их. Постоянно впитывая влагу и высыхая, снова впитывая и высыхая, кожа задубевала и становилась похожей на кору дерева. Берцы были неотъемлемой частью их жизни. Особенно ночью в карауле, под снегом, когда мороз заползает сначала под одежду, а потом сантиметр за сантиметром спускается все ниже по ногам и, наконец, добирается до ступней. Через какое-то время человек перестает ощущать свои ноги, но не настолько, чтобы они онемели полностью и потеряли чувствительность...

Вернувшись в казарму, можно вытянуть ноги у печки и ощутить, как они постепенно отогреваются. Боевики РПК (Рабочей партии Курдистана) не носили такую обувь, на убитых обычно были спортивные ботинки фирмы Мекар[8 - Мекар – обувь турецкого производства.]. Возможно, они удобнее для передвижения по горам, но интересно, защищают ли они от мороза? Иногда вот такие маленькие детали гораздо важнее, чем возможность убить или быть убитым. Потому что до тех пор, пока не умер, ты продолжаешь жить. И то, как ты питаешься, что носишь, здесь гораздо важнее, чем в каком-либо другом месте.

Двадцать уставших молодых солдат. Никто и не смог бы разбудить их, спящих глубочайшим сном, однако Джемаль все же старался не шуметь. Он думал о том, что на следующий день кто-то останется жив, а кто-то нет. Следующей ночью некоторые из этих кроватей могут опустеть, и кое-кто из юношей, безмятежно

смотрящих ныне сны, подорвутся на mine или, свалившись с раздробленной от пули головой, выпущенной из автомата Калашникова, так и не поднимутся больше с земли...

Джемаль бесшумно надел берцы. Дежурный по печи, Ахмет из Манисы, вопросительно взглянул на него.

– Что-то живот прихватило.

От тех консервов, что они здесь ели, от усталости да и от воды, которую они пили, нередко случалось расстройство желудка.

Понятно, что Джемаль не мог сказать: «Пойду омыться от скверны».

Набросив на плечи куртку, он выскочил на мороз в одном исподнем и в берцах на босу ногу. Снаружи бушевал ураган, ветра завывали, будто огромные двухголовые собаки.

Вьюга кружила над долиной, над заснеженными горными склонами, и повсюду разносился этот ужасный вой; услышав его, сначала даже нельзя было понять, что это такое – это была музыка, выходящая за пределы человеческого понимания, словно бесы, поджидające грешников в аду, устроили демонический концерт. В первое время Джемаль, как и другие, сходил с ума от этого шума, однако сейчас он уже ко всему привык, стал настоящим бойцом. Уже скоро два года, как он служит в подразделении спецназа в этих горах.

Он вышел из казармы наружу, и тут же холодный воздух, словно острая бритва, пронзил его насквозь, и Джемаль кинулся к туалету. Из основного здания не надо было выходить, однако коридор, где находился туалет, не обогревался печью, и то, что он располагался не на улице, здесь, в горах, не имело никакого значения. Дрожа от холода, парень зашел в туалет, скинул куртку, шерстяной тельник и кальсоны. Окатиł себя сверху из бидона наполовину замерзшей водой. Казалось, он вот-вот закричит – до самых печенок пробрал его этот леденящий холод, однако сдержался, крепко сжав зубы. От тела валил пар. Со всех сторон он хорошенечко обтер водой те места, которые запачкались из-за дьявольского соблазна. Не оставив на теле ни клеточки, которой бы не коснулась вода, он завершил очистительное омовение. Зуб на зуб не попадал от холода, однако его совесть начала успокаиваться. Внутри разливалось

спокойствие: он не допустил ничего, что шло вразрез с наставлениями его почтеннейшего отца, избежал греха, сделал все так, как требует его религия – ислам. Его отец все равно что святой, и если люди выполняют его наставления, то и в этом, и в том мирах они будут пребывать в спокойствии и благополучии.

Он вытерся принесенным с собой маленьким полотенцем, снова надел исподнее, куртку, берцы и направился в казарму. От тепла, пахнувшего в лицо, когда он открыл дверь, он почувствовал себя как в раю. В этот миг дежурный, взглянув ему в лицо, улыбнулся: нельзя было не догадаться о происшедшем, увидев его мокрые волосы, однако Ахмет ничего не сказал. Разве не с каждым может случиться такое?

Расстелив полотенце на подушке, Джемаль снова лег, стараясь не заснуть. До пробудки оставалось совсем немного времени, и, если он уснет, встать потом будет гораздо труднее. Он думал о трех боевиках, убитых прошлым днем во время стычки. Трое курдских юношей, в шароварах, очень легко одетых для этих гор. У них на ногах красовались ботинки Мекар, а лицо одного было разворочено – так выглядит ранение от винтовки G3. Может, пуля была выпущена из его оружия? Наверняка этого узнать нельзя, во время боестолкновения никто не жалеет огня, и чья пуля кого ранила потом – узнать невозможно. Бывает, что кому-то и орден вручают за то, что он отличился, но награжденный знает, что на самом деле он не совершил ничего особенного...

Последние два года своей жизни в этих бескрайних лиловых горах Джемаль с товарищами словно состязались в бесконечном мужестве и – в бескрайней трусости.

После долгого подъема, в полном изнеможении, достигнув вершины горы, они созерцали, как под ногами простираются летом изумрудно-зеленые долины и серебристые реки, а зимой – белоснежные просторы, и начинали ощущать себя почти богами.

С винтовками, обвешанные гранатометами, ручными бомбами, комплектом боепитания, патронными лентами с прикрепленными к ним ножами, снаряженные рациями, в окружении таких же вооруженных товарищей, они чувствовали себя титанами разрушения и неприкасаемые шли с высоко поднятой головой.

Орлиным взглядом они могли проникнуть всюду, не пропустив ни шороха, ни тени, и с божественным наслаждением уничтожить все, что вызывало хоть малейшее подозрение.

Это были моменты, когда их мужество достигало своего пика, а головы касались небес. Однако жизнь в горах не всегда была так щедра. Иногда приходилось бродить по долинам, пластаться под огнем, который велся с высоких гор, слушать свист пуль над головой, от которого кровь стыла в жилах, а душа металась от ужаса...

Человек испытывает ни с чем не сравнимый страх, когда в нескольких сантиметрах над его головой проносится пуля, выпущенная из автомата Калашникова. Потому что, отклонившись на несколько сантиметров, она вонзится человеку либо в глаз, либо в голову. И именно это колебание между жизнью и смертью наводит ужас.

Обосновавшаяся в горах Рабочая партия Курдистана, в которой уже было теперь достаточно снайперов, мешала продвижению десятков военных и наносила подразделениям войск правительства большой вред.

Можно было считать себя хозяином вершины, но спускаться вниз становилось опасно. Заняв высоту, войска боялись потерять позицию. Бойцы РПК вели огонь и из дальнобойных винтовок Канас. С турецкой стороны это оружие чаще использовали офицеры. Иногда курды группами человек по двадцать открывали сумасшедший огонь из автоматов Калашникова, нападали с гранатами, ручными бомбами, а иногда наоборот – правительственные военные заманивали боевиков РПК в засады.

Удерживать превосходство и сохранять спокойствие на горных вершинах долго не удавалось, поэтому во время проведения операций они дневали и ночевали под открытым небом, сутками оставались под дождем, в касках, парках, униформе, фланелевом белье, шерстяных носках, в давящих берцах, промокшие насквозь; они забывали напрочь, что значит быть в тепле. Проливному дневному дождю на смену приходила ночная стужа, и медленно замерзающее белье, касаясь тела, доставляло дикое мучение. И так вот сутками они думали о том, что дождь никогда не прекратится, до конца своих дней они проведут вымокшими насквозь, укутанными в брезентовые плащи. Но, конечно, когда над головой начинают свистеть пули, тут уже не до дождя...

Джемаль, как и многие из его товарищей, выходил на операцию, непременно спрятав за пазуху полиэтиленовый пакет. Он складывал его под фланелевую униформу. Потому что не хотел бы еще раз пережить тот ужас, который испытал, забрасывая в вертолет оторванную ногу Абдуллы.

Абдулла Нидели – парнишка, который нес службу на их заброшенном пограничном посту с шутками и прибаутками, не переставая улыбаться. Некоторые люди приходят в этот мир словно для того, чтобы облегчить жизнь другим. Вот таким и был Абдулла. В тот вечер, когда в сгущающихся сумерках они шли по занесенному снегом минному полю, ему оставалось три месяца до демобилизации. Когда они поняли, что наступают на присыпанные сверху землей желтые мины итальянского производства, уже ничего нельзя было сделать. Даже при дневном свете эти замаскированные в земле мины было бы трудно заметить, а уж сейчас-то, в сумерках, и подавно. Да еще и сверху снега намело. Каждый шаг они делали со страхом, а потом их накрывало чувство облегчения, что ничего ужасного не случилось. Как вдруг в безмолвной тишине прозвучал взрыв, расколовший все вокруг – и небо, и землю. Не думая, они попадали на снег, и в этот момент увидели Абдуллу, взлетевшего над миной, на которую он наступил. Ближе всех был Джемаль, он медленно двинулся в сторону Абдуллы. Парень выглядел ужасно. В этот момент Джемаль даже забыл о том, что может сам наступить на мину.

Обхватив руками голову, парнишка кричал в шоке: «Глаз, мой глаз! Что-то случилось с моим глазом, мне очень больно!» Вопль разносился на всю округу. Джемаль заставил себя осмотреть залитое кровью лицо Абдуллы и обнаружил, что одного глаза нет. Вместо левого глаза зияла окровавленная глазница. А парень нечеловеческим голосом продолжал вопить: «У меня болит глаз!»

В это время вместе с другими солдатами подросел командир роты. Он надрывался от крика, пытаясь связаться по рации с центром: «Сапсан 3, Сапсан 3!» В тот момент, когда он уже перестал крутить ручку рации, поступил ответ, он быстро сообщил координаты и запросил помощи: «У нас тяжелораненый! Пришлите вертолет!» Дошедший по рации голос был гораздо спокойнее. Он сказал: уже стемнело, вертолет отправить не могут, надо ждать до утра. Джемаль утешал товарища: «Все пройдет!» и с ужасом думал об этом хладнокровном голосе, дающем советы, как продержаться до утра. Джемаль осторожно придерживал голову Абдуллы, кровь не останавливалась. Интересно, эту ужасную дыру можно как-то заткнуть?! Он не понимал, что можно сделать, но четко видел одно: до утра Абдулла не протянет. Даже если вертолет

примчится прямо сейчас, у него нет шанса выжить. Командир надрывался, используя все средства убеждения, чтобы объяснить тяжесть положения, невидимому собеседнику. Но по ночам вертолеты не взлетают, это категорически запрещено.

«Умоляю! – кричал командир. – Еще не совсем стемнело. Умоляю, заберите этого льва!» И без остановки продолжал передавать координаты местонахождения. Это был молодой капитан. По ту сторону радиации царила тишина. И в этот момент Джемаль увидел ногу Абдуллы. На ней не было ступни, ее оторвало. Стараясь подавить разливающуюся внутри панику, он оглянулся и увидел ступню. Оторванная, она стояла вместе с ботинком, в луже крови. Утешало лишь то, что Абдулла уже потерял сознание. Ясное дело, такую боль вынести он не мог.

И командир, и военный расчет смотрели друг на друга растерянно, не зная, что предпринять в беспомощном ожидании, как вдруг услышали звук вертолета. Значит, он был совсем рядом, возможно, возвращался на базу! Подняв лица к небу, они выискивали его. Так было всегда: сначала доходил звук, а потом и сам он появлялся в межгорье. И в этот раз было так же: черный «Кара шахин»[9 - Или «Черный ястреб» – американский многоцелевой вертолет.], возникнув из-за вершины, приближался к ним.

Вскочив, они принялись размахивать руками. Вертолет снижался, мощный ветер от лопастей пропеллера взметал в воздух клубы снега, солдаты с трудом могли разлепить глаза. Они знали, что вертолет не сможет сесть на землю, это было невозможно. Он завис в нескольких метрах над землей, открыв дверь, чтобы как можно скорей принять раненого. Существовала опасность того, что боевики РПК увидят вертолет и откроют огонь с гор. Если бы ради спасения одного раненого армия потеряла «Кара шахина», это дало бы большой козырь в руки вражеской пропаганды!

Вертолет завис в столбах снега, и санитары, стоя в открытых дверях, закричали: «Давай, давай, давай!», однако в грохоте лопастей винта их голосов совсем было не слышно.

Несколько солдат вынули Абдуллу из объятий Джемалья и понесли к вертолету. Приговаривая: «Давай, раз, два, три», они раскачали парнишку и подпрыгнули вверх, метя телом человека в открытую дверь вертолета. Санитары, чтобы принять раненого, тоже свесились вниз, однако парень выскользнул из их рук. В это время Джемаль, подняв оторванную ногу Абдуллы с земли – эту еще теплую

часть его тела, забросил ее в вертолет. Может быть, в госпитале смогут пришить...

Абдуллу еще раз подняли и закинули наверх, но он снова упал на землю. Только с третьего раза санитары смогли ухватить раненого и затащить внутрь. Половина туловища бедняги уже находилась внутри летной машины, а вторая все еще болталась снаружи, но вертолет взмыл в воздух.

У Джемаль и мысли не было – взять эту оторванную, окровавленную конечность и забросить ее в вертолет. Это случилось как-то само собой. В нормальное время его не то чтобы прикоснуться, а посмотреть даже на это нельзя было заставить, но в экстремальных условиях люди делают невозможные вещи. Поэтому он и стал носить за пазухой пакет. И он знал, что у каждого есть такой пакет.

По вечерам они ели консервы, заваривали чай примитивным способом – так чтобы не шел дым, курили, прячась, чтобы не было видно огоньков сигарет, переговаривались шепотом и делились с товарищами тайными мыслями о том, что, возможно, завтра им придется заполнять свои полиэтиленовые пакеты.

Совершив омовение и успокоившись, Джемаль ненадолго растянулся на кровати, думая о голосе, который он однажды услышал по рации. Как-то Джемаль засек, как боевики РПК переговариваются между собой, и вдруг разобрал знакомый голос: «Не порть настроение! – произнес человек. – Это солдаты турецких вооруженных сил. По прибытии на место устройте засаду рядом с дорогой. Если сделаете это, вы спасетесь. Связав офицера, передадите его нам. А если нет, то никто из вас этой ночью не уйдет от патруля. Вам что, жалко, что ли, солдат турецкой армии?!»

Недавно прибывший в район лейтенант запаса немедленно схватил рацию и прокричал: «Попробуй только сюда сунуться и повторить эти слова, ублюдок!»

На той стороне раздался надтреснутый смех, и Джемаль вздрогнул. Он был очень хорошо знаком с хозяином этого смеха.

Горькая доля несчастных девушек

Когда мать Мерьем доживала последние дни беременности, она увидела во сне Святую Деву Марию. Держа в руках свечу, Пресвятая Богоматерь сказала, что та родит дочку, но оставит ее одну-одинешеньку, а сама перейдет в мир иной и будет страдать уже там.

Мамина сестра-близнец рассказывала, что мать проснулась ночью от страха и разбудила сестру, потому что очень хотела рассказать ей о своем сне. Тетушка же не позволила ей: «Ночью пересказывать сны – плохая примета. Вот настанет рассвет, все расскажешь».

В эту ночь мать так и не вернулась в постель к отцу, а обняв сестру, дожидалась утра. Сон так напугал ее, что до самого рассвета она дрожала. Сон был таким явным, будто и не сном вовсе. С первыми петухами она растолкала сестру.

– Рассказывай, глядя на свет. Пусть Аллах принесет нам добро! – произнесла та.

Глядя на лучи, пробивающиеся сквозь окно, мать Мерьем выложила ей все.

Но тетушка успокоила ее:

– Скорее всего, Святая Мария хочет, чтобы ты назвала родившуюся дочь ее именем. Поэтому и приснилась.

– Хорошо, но почему я уйду, оставив ее совершенно одну? – спросила мать.

Тетя же ответила ей:

– Мы что, привязаны к этому миру, что ли? Конечно, все мы умрем. Даже наша Пресвятая Мария разве сама не умерла?

После того как женщина и в самом деле умерла при родах, маленькой девочке, оставшейся сиротой, вспомнив об этом сне, дали имя Мерьем.

Мерьем думала об этой и тысяче других похожих историй: все вокруг было пропитано волшебством, сны полны святыми людьми, говорящими животными и даже деревьями. Вот только лишь с ней, с Мерьем, по какой-то причине не случилось ничего волшебного, отчего девочка очень расстраивалась. Интересно,

почему ей вообще неведомы чудеса? Может, она какая-то не такая? В начальной школе одноклассники каждый день рассказывали об удивительных вещах. Птицы, сидящие в саду на деревьях, разговаривали, умершие старики приходили во снах или в вечерних сумерках и предупреждали об опасностях и плохих событиях, которые могут случиться. Дома у Мерьем было то же самое. Один раз прадед, который, как все верили, стал святым-авлия, пришел и предупредил: «Осторожнее, не берите в дом много мыла. Не то сгорите!» Но этому не придали значения, покупали и покупали на базаре мыло, и по неизвестной причине произошло возгорание. Отец с дядей кое-как потушили огонь, после чего все вспомнили о предостережении деда. Поэтому прадедово наставление не ходить по средам в баню соблюдалось неукоснительно, в этот день вообще ничего не делали. Развалившись на кроватях, болтали, предпочитая совсем не выходить из дома.

Мерьем же с детства очень любила банные дни, когда готовили еду, складывали полотенца, собирали подарки и, загрузив все это в заранее заказанную повозку, называемую «тарантасом», отправлялись в хамам, где женщины прекрасно проводили время. Мерьем, глядя на голые груди, свисающие до живота, беспокоилась, что наступит день, когда и ее тело станет таким. С купола старинного хамама струился бледный дневной свет, а на голову ей и другим детям выливали один за другим ушаты горячей воды, навсегда отбивая у них желание плавать. Избежать этой процедуры было невозможно, потому что как только Мерьем пыталась это сделать, ей в глаза тут же попадала мыльная пена. Из заднего отсека хамама, закрытого тонкой занавеской, доносился резкий запах, и когда Мерьем спрашивала, что это такое, ей с таинственным видом отвечали: «Банная трава – яснотка. Когда подрастешь, узнаешь».

Мерьем повзрослела, и ее грудь налилась, как бутон, и пожилые женщины, которые не могли налюбоваться на ее ладное красивое тело, объяснили ей, как все происходит. Чтобы полностью удалить пушок, появившийся между ног и под мышками, они готовили противно пахнущую смесь, а потом завели девушку в закрытый занавеской отсек.

– На теле совсем не должно быть волос, – говорили они. – Это грех. Надо очистить все!

Первый раз они помогали ей это делать. От женских обучающих прикосновений ей было щекотно. Но больше Мерьем никого к себе не подпустила, все проделывала сама.

Самым неприятным в банных днях был этот закуток с ясноткой, а самым прекрасным – полдень, когда, усевшись в холодке, они ели долму и пирожки.

Мерьем тоже старалась соблюдать запрет прадеда на посещение бани по средам. Но хоть Аллаха умоляй, хоть, зажмурив глаза, зови: «Дедушка, дедушка!» – никто не придет на помощь.

Дед – отец матери, был богатырем, а его отец и подавно. В их селе его называли Шейхом Курейшем. Как рассказывали дома, однажды в лютую стужу, когда вокруг трещал мороз и все было завалено снегом, дед вышел из дома босиком. Сделав несколько шагов, он с улыбкой объявил, что собирается дойти от Междуречья до Хорасана. Жители деревни рассказывали, что выходявшие на дорогу стаи волков, завидя Шейха Курейша, не то чтобы напасть боялись, а даже выть переставали. Так Шейх босиком и дошел до Хорасана.

К этому святому человеку никакая тварь не могла прикоснуться, даже ядовитые гадюки не могли нанести ему вреда. Все говорили, что его «не касается и дневная тень», но боялись, что он может неожиданно погибнуть, потому что руки его всегда были полны змей, а по телу ползали скорпионы. Все это оттого, что дедушка был «сладким». Сладкую микстуру – щербет – он готовил для новорожденных детей, а заодно перепало и змеям, и скорпионам. Поэтому и потомки его были «щербетными» – защищенными от всех напастей.

Все говорили, что дед Курейш ходит ночами по дому. Слышно было, как скрипели лестницы, хлопали двери, когда он выходил и заходил на кухню.

Мерьем верила рассказам домашних, что по ночам дед защищает дом, однако не могла видеть своими глазами, насколько далеко простирается его сила.

Кто знает, что видел каждый во время визита к мазару Шекера Бабы? Мерьем же ничего лучшего не нашла, кроме как пописать под себя. А ведь ходили легенды, что еще за долгие годы до ее рождения, во время русской оккупации, Шекер Баба насрал с небес молнии, и русские солдаты, получив раны величиной с яблоко, были рассеяны по горам и напрочь разбиты. Мужчины села, спустившись к руслу реки, нанесли решающий удар по русским и уничтожили их. А русский командир, разместившийся в принадлежавшем Гюлю Аге самом большом доме села, пустил себе пулю в висок из пистолета. И все это приписывали влиянию Шакера Бабы, хранителю этих мест. В ноябре 1917-го произошло окончательное

чудо, и многие даже не поверили вестям, которые пришли из Москвы по телеграфу. Но было именно так, и ясное дело, что телеграмму тоже послал Шекер Баба!

Казалось, в селе только Мерьем не видит чудес. Все девушки летали по воздуху, говорили с домашними животными. Визиты к мазарам святых, привязанные к деревьям ленты, молитвы Святому Илье, построенные из глины домики в саду – все это обязательно давало свои результаты, и загаданные в ночь Предопределения[10 - Праздник в конце девятого месяца Рамадан, в этот праздник принято просить прощения у Бога за совершенные грехи и читать Коран.] желания, конечно, исполнялись. И только Мерьем этого не было дано.

«Наверное, я проклята, поэтому чудеса со мной и не случаются», – думала она.

Не зря ведь ее мать, после того, как увидела во сне Деву Марию, умерла в страшных мучениях, оставив на земле странную девочку с огромными глазами. Такросло убеждение в ее злосчастии.

И до семнадцати лет никто так и не сватался к ней. Матери парней не хотели принимать в свой дом злополучную невесту, которая, придя в мир, принесла с собой несчастье.

Всем знакомым выпало счастье видеть небывалое, а ей достались лишь сны, полные всякой ерунды и кошмаров. Ни одного-единственного раза не явилась ей во сне Святая Мария, имя которой она носит, не дала ей ни единого совета. Ах, Мать Мария, как же так может быть!

Святая посылает ей только ужасные сны. Должно быть, испытывает ее, проверяет предел терпения...

Дни и ночи перепутались в этом холодном амбаре. Мерьем проснулась от собственного крика: ей привиделся очередной ужасный сон. Она находилась на краю бездонной пропасти. Если бы она сделала вперед хотя бы шаг – камнем полетела бы в пропасть. И она настолько боялась полететь вниз, что не могла подняться на ноги, словно прилипла к земле. Напротив нее вдалеке виднелся город. Мерьем подумала: «Должно быть, это и есть Стамбул!» Город был такой громадный, что ему не было ни конца, ни края. И тут внезапно сзади налетел ветер. Повернув голову, она увидела тысячи белых птиц над своей головой. Это

они раздували ветер, они толкали ее к пропасти. Невозможно было даже прикоснуться руками к земле. Птицы пикировали над ее головой, снова взлетали, снова возвращались, а потом еще, и еще раз!.. И подлетали все ближе. Земля, на которой она стояла, начала обваливаться...

И пробудившись Мерьем все еще тряслась от страха. Ужасные птицы словно еще продолжали виться над ней, в амбаре было холодно, темно и пусто. Наверное, она отбросила одеяло во сне – ее руки и ноги были как лед.

Она прислушалась. Уже долгое время над поселком царила странная тишина. Из большого дома не вылетало ни звука, иногда только вроде бы проносился какой-то шепот, слышались беспокойные шаги – и все. Мерьем вдруг поняла, что за всю неделю она не слышала голосов женщин, которые обычно готовили хлеб в расположенном по соседству с ее узилищем саду. Мерьем знала, что сегодня как раз день, когда должны печь. Раньше она тоже участвовала в этом радостном событии. Вдыхая чудесный запах, она с большим удовольствием наблюдала, как тонкие лепешки, прилепленные к стенам тандыра, поджаривались и на них начинали проступать коричневые пятна. Свежеиспеченный хлеб готовился прямо к обеду, лепешки складывались большими треугольниками в несколько слоев, и каждый слой промазывался сливочным маслом. Масло, попадая на горячие лепешки, шипело, и вокруг разлетался упоительный аромат. Мерьем в своей жизни не ела ничего вкуснее этих треугольных лепешек, которые еще назывались пастушьими пирогами. Она ела и не могла наесться. Однако еще в детстве однажды она увидела, как вместе с соломой в печь попал желторотый птенец и как он, трепыхаясь, сгорел в пламени. Тогда она даже не прикоснулась к пастушьим пирожкам и проплакала подряд несколько часов...

Сейчас же снаружи не доносилось ни звука. Дом погрузился в траурное молчание. И Мерьем казалось, что не только над их домом, но и над всем селом разлилась эта зловещая тишина. В огромном селе умолкло все: лошади, ишаки, петухи, куры, автобусы, люди, даже рынок молчал. В этом беззвучье, разлитом над большим селом, оставались только пара-тройка отзвуков: хриплый голос муэдзина, читающего азан, шум трактора да стук арбы.

Мерьем чувствовала, что это большое безмолвие в поселке каким-то образом относится к ней, однако терялась в догадках, что же случилось на самом деле. Может, это как-то было связано со свалившейся на ее голову бедой и с тем, что она пролежала, температура, столько дней в запертом амбаре? Но как же так? Что, все село, что ли, замолчало из-за такой маленькой девушки?

Мерьем получше закуталась в одеяло и вдруг поняла, чего ждали от нее в селе. Это раскрылось ей в один момент. Все село замолчало, ожидая, что она сделает то, что должна сделать. Не только ее домашние, все село ожидало. И как только они получают известие о ее самоубийстве, то каждый снова вернется к своим повседневным делам: дети начнут весело бегать и крутить обруч, играть и лепить свои игрушки из глины, взрослые пойдут за покупками, на молитву – нормальная жизнь забуллит. Все ожидали, когда же Мерьем исчезнет отсюда. Это было ясно как белый день. У опороченной девушки нет права на жизнь. Дёне, которая время от времени выходила в сад, чтобы принести еды, тоже ждала этого. На ее лице это было прямо написано. Мерьем и без того знала, отчего домашние не подавали голоса, ходили на цыпочках и шептались. Но вот мысль о том, что вся деревня ждала ее смерти, будто обездвижила девушку. То, что все знакомые ждали ее смерти, легло тяжким грузом на плечи Мерьем. Всем-всем, кого она знала в этом мире: своей семье, отцу, дяде, теткам, принимавшей ее во время родов повитухе Гюлизар она словно была должна и не знала, как отдать этот долг.

Какое-то время она беззвучно плакала, а потом взяла в руки заброшенную несколько дней назад в угол холодную веревку, перебросила через балку под потолком, привязала потуже одним концом к ржавому железному крюку, а на другом конце сделала петлю. Забралась на табуретку и, набросив петлю на шею, ощутила на коже жесткое прикосновение холодных колючих волокон.

Но она ждала.

Она не знала, чего ждала, необходимость подождать и подумать шла откуда-то изнутри нее. Она испытывала странное спокойствие. «Сейчас вот опрокину этот чурбак, как это делали раньше накладывающие на себя руки девушки, – думала она. – И буду раскачиваться в петле. Веревка сдавит шею, та станет багровой, язык вывалится, и я умру. Люди рассказывают: на то, чтобы умереть, и минуты достаточно. Хорошо, а через две минуты где я буду?» Сознание зацепилось за эту мысль, и она продолжала спрашивать сама себя: «Интересно, а где же я буду через две минуты? Хоть кто-нибудь знает, где я окажусь?»

Этот вопрос настолько ее беспокоил, и она поняла, что не может не думать об этом, и не выбивала опору из-под ног.

Мерьем не знала, долго ли так продолжалось, сколько прошло времени. Вдруг она услышала звук ключа, поворачиваемого в замке, и поняла, что открылась дверь.

С маленьким подносом в руках в дверях стояла и смотрела на нее Дёне. Они встретились взглядами. Какое-то время, застыв в дверном проеме, Дёне смотрела на Мерьем, у которой была накинута петля на шею. А потом, ничего не сказав, тихо вышла и беззвучно затворила дверь. И даже поднос с собой унесла.

И в этот момент Мерьем взорвалась от злости. «Сука! Грязная сука!»

Потом она много раз вспоминала об этом и даже испытывала благодарность к Дёне, потому что эта злость помогла спасти ей жизнь. Сняв петлю с шеи, она отвязала веревку с балки, бросила ее в угол и сказала: «Только попадись мне, я тебе задам!»

Она никак не могла прийти в себя от поступка Дёне. Это было невероятно! Наверное, сейчас передает всем радостную весть, рассказывает, что девочка в петле отдает Богу душу. Ведь все они – все село – упорно ждали, когда же Мерьем наложит на себя руки... Нет, лучше она отправится в Стамбул! Другие девушки уезжали же туда?! Раз уж опороченные или кончали жизнь самоубийством, или отправлялись в Стамбул, так лучше выбрать поездку в Стамбул. «Сама себя убей, сука!» – процедила она сквозь зубы в адрес Дёне и снова заплакала от злости.

Крепко зажмурившись, Мерьем призвала на помощь всех святых угодников во главе с Богородицей. Ее тетя говорила: «Пока рабу божьему не приспичит, пророк Илья не поспешит ему на помощь!» И вот уже ей настолько туго, что сил нет терпеть, куда уже хуже-то!

«Пожалуйста, – молилась она, – я твоя раба, святой Пророк, пожалуйста, яви мне свой лик. Пусть откроется дверь и по воле твоей войдет Дёне. Пусть она скажет: «Давай, дочка, пошли со мной». Взяв меня за руку, пусть она выведет меня отсюда и отправит в Стамбул».

Умоляя святого Илью, она перечитала одну за другой все молитвы, которые знала. По три раза она прочитала суру Единобожия и Фатиху, а закончив, открыла глаза, однако никто не пришел. Что уж там Святой Илья – даже

домашние не пришли посмотреть, умерла ли она. Может, стоят под дверью и подслушивают, что тут внутри творится.

– Лучше бы уж меня заперли в загоне для скота, – вырвалось у нее вслух. Там уж хотя бы теплее. Возле тридцати двух овец и трех коров она хотя бы могла согреться. Здесь же было так холодно, что зуб на зуб не попадал, и Мерьем порой казалось, что стук ее зубов слышен даже за дверью.

Она вернулась в памяти к тем счастливым дням, когда еще не стала женщиной и ходила в начальную школу. Маленькая девочка могла свободно бегать и играть на улице, крутить обруч вместе со своими братишками Джемалем и Мемо.

Самыми яркими днями в ее жизни, как и жизни всего села, было празднование годовщины освобождения от русской оккупации. Муниципальный оркестр чеканил шаг под героические марши, аж земля тряслась. Мерьем была в восторге от того, что могла вместе с другими ученицами в черных фартуках, в белых воротничках принимать участие в этих официальных мероприятиях. Ей, как и другим ученикам, объяснили, что надо вытянуть руку и коснуться плеча своего товарища, а потом, держась друг от друга на этом расстоянии, по команде: «Направо!» шагать вперед. Они выстроились друг за другом и под звуки барабанов двинулись по улице. Мерьем казалось, будто все люди, выстроившиеся с двух сторон, смотрят на нее. Она шла, гордо подняв голову. В особенности она обмирала от восторга, когда проходила под украшенной победной аркой, ей казалось, что она прошла под радугой. Когда начались залпы в честь освобождения, каждый вспоминал, что святой Шекер Баба в тот день наслал на головы кафиров град размером с яблоко. А потом вместе с одноклассниками на специально выделенном для них на площади месте они смотрели представление в честь Дня победы.

Каждый год молодежь села, нарядившись в турецкие и русские военные костюмы, давала такие представления. Среди сельских дородных блондинов и шатенов выбирали «русских», они понарошку нападали на смуглых и маленьких турок, но затем героические турецкие солдаты переходили в сокрушительную атаку, обращая противника в бегство, и над полем боя взвивался турецкий флаг со звездой и полумесяцем. Победа турецкой армии сопровождалась бешеными аплодисментами, а из приемника разносились звуки марша.

И брат Джемаль, и братишка Мемо каждый год принимали участие в этом представлении. Джемаль был шатеном крупного телосложения и поэтому играл

русского, а маленький смуглый Мемо переодевался турком. Тем, кто участвовал в представлении, префектура выплачивала деньги. «Русским солдатам», которым, в отличие от турецких, доставалось больше тумачов, платили больше. Поэтому у брата Джемала, в отличие от Мемо, заработок был на порядок выше, но быть турецком солдатом – это, конечно, почет. Что гораздо важнее денег. Временами Мемо говорил Джемалу: «Послушай, вот я курд, а ты турок, однако именно мне выпала честь представлять турецких солдат», – после чего каждый смеялся, однако ролями они никогда не менялись.

Во время одного из представлений случилась неприятность. Она разозлила префекта, руководителя мэрии, начальника полиции, отчего радость праздника слегка померкла. Во время представления «русские» захватили «турецких солдат», а турки, в дыму сражения, под звуки канонады, принялись напропалую колоть штыками, колотить и пинать «русских». Дородные «русские солдаты» терпеливо сносили побои, ведь «турки» были гораздо мельче их. Однако всему есть предел, даже и терпению, которое «русские» проявляли ради денег. Турецкий отряд, под звуки военного марша и пробирающей до дрожи ружейной канонады, почувствовал такой прилив патриотизма, что стал принимать товарищей за настоящих русских солдат и началась нешуточная схватка. С одной стороны кричали: «Аллах, Аллах!», с другой – разносились звуки маршей, декламируемые воодушевленные героические баллады, и все силы были брошены на то, чтобы прикончить «русских врагов»: их пинали и били прикладами. В одночасье завязалась настоящая война. У играющих роль «русских» из носа текла кровь, у некоторых были рассечены брови...

Мерьем оказалась прямо перед братом Джемалем, уже изрядно избитым, он кричал Мемо: «Брат, не бей! Мне вправду больно, ты с ума, что ли, сошел?!» Все «русские» падали наземь, вопили и пытались взывать к разуму, однако куда там! Наконец от ярости «турки» совсем осатанели – и уж били так били!

Джемаль и другие «русские» набросились на Мемо и его «турецких воинов». От многочисленных ран глаза их были залиты кровью – желая отыграться, они жестоко лупили «турок». И те пустились в бегство! Они бежали так, что пыль стояла столбом, а «русские» неслись за ними...

Так День освобождения впервые в истории закончился полной победой «русских», и старейшины села очень, ну очень рассердились! В том году праздник закрыли рано, суматоху уладили, и снова воцарилась тишина.

А Мерьем, глядя, как Джемаль и Мемо с побагровевшими от злости лицами размахивают перед носом друг у друга кулаками, не могла удержаться от смеха.

Шутка

Может ли кто-то перестать быть самим собой и начать жить иной жизнью, будто он теперь другой человек?

Именно этот вопрос задавал себе Ирфан Курудал, сидя в шумной компании в одном из рыбных ресторанов на берегу Босфора. Отпивая по глотку ракии из стоящего перед ним бокала, он всматривался в блики на воде, любовался светом, отражающимся от проходящих неподалеку кораблей и дробящимся искрами в волнах, ударявшихся о берег.

Уже пришла весна, но апрельский воздух пока не прогрелся настолько, чтобы было можно сидеть на открытом воздухе. Поэтому в рыбных ресторанах открываемые на лето окна еще были закрыты, а внутри работали обогреватели. Обычно по воскресеньям поесть рыбы на Босфоре, провести три-четыре часа, беседуя с друзьями и потягивая ракию, считалось приятным занятием, однако Профессору казалось, что сейчас все иначе. Он вроде и смеялся над шутками, следил за ходом беседы и улавливал суть рассказываемых анекдотов, однако в мозгу у него стучал только один вопрос: можно ли изменить свою жизнь?

Все сидящие за столом, один за другим, рассказывали анекдоты. Самыми популярными в последнее время были о столкновениях на юго-востоке страны. Профессор делал вид, будто слышит эти анекдоты в первый раз, и в финале, как и все, взрывался смехом.

Анекдоты и в самом деле были смешные. Группа Рабочей партии Курдистана, устроив на дороге засаду, поджидала группу военных, которые проходили здесь постоянно в семь часов вечера. Прошло полчаса – военных нет, прошел час – никого. Глядя на часы, лидер партизанского отряда воскликнул: «Парни, как бы чего не случилось с нашими ребятами!»

Ха-ха-ха.

Банкир Метин, рассказывающий эти анекдоты, не упускал возможности пошутить над курдским произношением и особенно гундосил, произнося букву «к».

Боевики РПК, напавшие на одну деревню, всех убили. Остались только старик со старухой. Один боевик, прицелившись, прежде чем выстрелить, спросил женщину: «Как тебя зовут?» Бедная женщина, трясась от страха, ответила: «Айше!», на что боевик сказал, что его мать тоже звали Айше. «В память о моей матери я не буду тебя убивать», – сказал он и нацелил оружие на старика: «Ладно, а тебя как зовут?» Бедняга дрожащим голосом ответил: «Ей-богу, хотя мое имя Ахмет, но в деревне все меня зовут Айше».

Не дослушав до конца, все грянули таким дружным хохотом, что сидящие в зале обернулись, с завистью глядя на эту веселую компанию. Ирфан подумал, что этот анекдот очень остроумный, раньше он его никогда не слышал.

Прежде этих горьких историй рассказывались анекдоты о лазе[11 - Ла?зы – субэтническая группа грузинского народа. Проживает на территории исторической области Лазистан, большая часть территории которой в настоящее время входит в состав Турции.] Темеле и никогда не устаревающие анекдоты на сексуальные темы. Некоторые из них рассказывали женщины, и, если тема была слишком откровенной, особенно если надо было употребить слова, связанные с названием половых органов, женщины капризничали и только после того, как их мужья настаивали: «Давай рассказывай!», они, стесняясь, начинали. От рассказчиков мужчин они отличались только одним: когда встречались названия половых органов, они либо использовали эвфемизм, либо произносили их, понизив голос.

Ирфан Курудал верил, что половой вопрос невероятным образом господствовал во всех слоях турецкого общества. Если бы был жив профессор Зигмунд, Турция могла бы стать потрясающей лабораторией для обоснования его теории.

Пришедшие в этот момент ему в голову мысли, вызванные ассоциациями с Фрейдом, он передал в юмористической форме своим друзьям. Как можно одним словом выразить главное представление евреев о мире? Муса говорил: «Всё – Бог», Иисус: «Всё – любовь», Маркс: «Всё – деньги», Фрейд: «Всё – секс», а Эйнштейн подвел итог этому, заключив: «Всё относительно».

Когда Ирфан учился в Америке, этот интеллектуальный анекдот, рассказываемый в застольях, не вызывал особого смеха у присутствующих.

Он вообще не умел хорошо рассказывать анекдоты и смешить людей.

Сидевшие за столом тоже не слишком смеялись, они вернулись к пересказыванию анекдотов о курдах.

Ирфан же снова задумался о словах Казанзакиса: «Свет Ионии – вожделение».

На самом деле Стамбул нельзя считать Ионией, однако культуры их схожие. Движущей силой общества, базовым инстинктом, определяющим поведение людей, до сих пор остается подавленная сексуальность. И в голосе, и в манере поведения певцов ощущается сексуальный подтекст, это было и остается изюминкой, это демонстрируется публично. Сексуальное – самое важное из того, что нравится людям. И не случайно гвоздем программы в музыкальных залах выступают певцы-геи. Некоторые из них после операций по изменению пола превращаются в женщин, чем объясняется их особая популярность и возрастающий интерес публики. Великий хронист XVII века Мустафа Наим повествует о том, как молодые мальчики, переодетые в девушек, распустив волосы, выставив напоказ грудь, распевали песни, извиваясь в танце, демонстрируя зрителям свою гендерную трансформацию. То же самое происходит и сейчас. Молодые певцы, добавляя к поп-музыке восточные ритмы, снова в таких же одеяниях, извиваются телом по-женски, а общество от этого приходит в восторг. В ходе опроса, проведенного недавно среди молодежи, певцом года был признан гей, а «певицей» – мужчина, изменивший свой пол на женский. К пользующимся большой популярностью во всем мире анатолийским банщикам в турецкие хамамы великие паши и беи приезжали в экипажах и терпеливо ждали своей очереди. Эти банщики, искусно массируя богатых клиентов, ублажая их тела горячей водой и вспененными в мыле мочалками, завоевывали их сердца, обеспечивая себя работой на долгие годы. В старых книгах содержатся описания этого вида деятельности, даже приводятся очень своеобразные рецепты...

Профессор основательно исследовал эту тему и, стремясь распутать загадку сексуальных кодов турецкого общества, опубликовал несколько статей, из-за чего претерпел немало от своих коллег по университету. Университетская среда – питомник скорпионов, где каждый относится к другому как к смертельному врагу. И эти заклятые враги подняли шум: якобы статьи

Профессора полны плагиата! Что он не сделал никакого открытия: еще раньше эта тема постоянно муссировалась, что ей посвящены даже целые книги. Говорили, что социолог, не будучи по своей основной профессии историком, может заниматься лишь стереотипным повторением уже известной науке информации. И здесь снова вытаскивалась на свет эта священная корова: научность! Время от времени, чтобы защитить себя от нападков, всем им в начале предложения приходилось вставлять клише «с научной точки зрения». В обществе совершенно не ценилась эта фраза, однако её употребление считалось настолько же необходимым, как и титул профессора-доктора, или доктора-доцента перед именем автора. Поэтому, подобно дервишам, получающим в качестве вознаграждения в суфийском теке свою чашку супа, каждый сотрудник в университетской среде с огромным нетерпением ожидал звания профессора. Ирфан Курудал в одной из телевизионных передач затронул эту тему, сказав, что «встречаются такие невежественные профессора, которые даже на родном языке толком изъясняться не могут». Он процитировал фразу из африканских писем Назыма Хикмета к Бабу Таранта: «Ты подобен невежественному профессору права, которые есть в разных странах». Конечно, после этой передачи он получил по полной программе! Ему предъявляли обвинения в мошенничестве, кричали, что он публикует под своим именем чужие мысли, сплетничали, что он живет за счет своей богатой жены, что разбогател на дармовщину благодаря рекламной фирме своего шурина...

Иногда, сидя в своем маленьком университетском кабинете, он удивлялся, как за свою не очень долгую жизнь он сумел нажить столько врагов. Он не понимал, почему заслужил столько ненависти, однако после горестных сеансов внутреннего самокопания пришел к выводу, что, возможно, это и не является только его проблемой – в этой стране все ненавидели друг друга. Военные ненавидели гражданских, гражданские – военных, авиаторы – сухопутных лиц, а те, кто был на суше, – моряков, чиновники ненавидели юристов, бизнесмены политиков, а политики бизнесменов, средства же массовой информации готовы были утопить в крови всех и вся. Наверное, это единственная страна, где с передовиц газетных полос ежедневно изрыгается столько брани. О, интеллигенция – это иной мир! словно в кабацкой угарной атмосфере, пропитанной ненавистью, по любой причине каждый был готов схватить острый скальпель и начать морально кромсать кого попало. В их диспутах были переплетены насмешка и ненависть.

Вообще-то еще месяц назад Профессора это совершенно не волновало. Вернее, ему казалась нормальной жизнь в такой среде. Понятное дело: успех всегда притягивает зависть. Но в последние месяцы обстановка начала его угнетать,

ему надоели все эти условности: «Этот ресторан не нашего уровня, туда пойдем, сюда не пойдем». Это считалось суперстилем Стамбула, так называемой элитарностью, однако на самом деле уже превратилось в памятник дикости. Он стал задыхаться, он чувствовал, что его собственная суть обесценивается. Внутри появилось чувство непрерывного скольжения. Он словно увидел себя со стороны: ничего не создающего, болтливого и трусливого человека. Раньше он не обращал внимания на зависть, наоборот, считал ее свидетельством успеха, но теперь стал ощущать, что больше не может выносить эту враждебность. Он даже начал думать, что его враги правы. Он такой же бесполезный, беспринципный, дешевый, создающий лишь видимость своей значимости – высокомерная, показушная и трусливая крыса, как и они.

Международные симпозиумы и конференции, которые так нравились ему раньше, тоже начали вызывать чувство странной досады, и теперь он предпочитал, сев в углу, просто наблюдать за всем происходящим. Он мог бы принять участие, поскольку темы, которые обсуждали деятели науки, приехавшие из разных стран, были ему близки, но вынужден был замолкать, когда дело доходило до латинских или древнегреческих теорий. Потому что коренным образом расходился с ними. С участвующими на конференциях арабскими учеными он тоже не умел договариваться, потому что не был выходцем из восточного мира. Латинская, древнегреческая и арабская философии, связанные между собой и развивающиеся совместно на протяжении многих веков, сегодня были лишены единой научной терминологии. Не облаченные в слова идеи как будто не существовали вовсе, и Профессор огорчился, видя, как повторяются банальные клише, взятые из повседневной, мелкой, беспочвенной среды. Все эти отношения были кое-как связаны общими корнями, однако как раз вот этого «кое-как» не хватало, чтобы построить прочный фундамент.

По ночам он рыдал от страха, который сжимал ему грудь, это состояние продолжало обостряться, он чувствовал, как его «я» начинает терять связь с его личностью. Он должен был спасти свое «я». Надо было найти какой-то путь для того, чтобы изменить свою судьбу, чтобы победить мысль о смерти, внезапно зародившуюся и уверенно прораставшую, словно зерно. Собственный дом уже стал символом гроба для него, и он знал, что среди всех этих вещей, как и в своем университетском кабинете, он бессилен. Как и спящий Эндимион, он должен был сам определить свою судьбу. Он не хотел продолжать спать вечным сном.

Он не мог больше выносить все это: сидеть, закрыв сердце, не выпуская рвущиеся наружу безумства, играть роль почитаемого в обществе учителя и ученого.

Он вспомнил, как его поразила история, которую он прочитал несколько лет назад. Достоевский пришел в дом своего злейшего врага Тургенева. Тургенев удивился уже самому этому неожиданному визиту. Но то, что было дальше, его вовсе потрясло. Достоевский выкрикнул: «Я растлил девятилетнюю девочку», – после чего развернулся и пошел прочь. В ответ на восклицание изумленного Тургенева: «Но зачем вы мне это рассказали?!», – Достоевский бросил через плечо: «Чтобы вы поняли, насколько ничтожным я вас вижу».

Это было удивительно, только очень мужественный человек способен на подобный поступок. По правде говоря, он хотел бы, как Достоевский, нанести такой же визит к своим врагам – шокировать их и одновременно показать всю их ничтожность, однако поднимающийся изнутри страх говорил, что это невозможно, да и не было в его жизни чего-либо столь ужасающего, как грех Достоевского. Его жизнь, которая считалась чрезвычайно успешной, на самом деле была ничем, а ноль, помноженный на ноль, дает в результате ноль. Будучи дерьмовым человеком, и окружение он имел дерьмовое. И Стамбул, и эти рестораны, и стаи одичавших собак, бродящих по улицам; и попрошайки чайки, и горы мусора со взрывающимся метановым газом, и ночные продажи маленьких детей, и трансвеститы, бьющие острыми каблуками по голове водителей такси, – запах этих нечистот исторгала уже не только бухта Золотого Рога, его начали источать все берега Босфора.

Этими запахами пропитались районы люксовых ресторанов, зарезервированные за сотни долларов столики, сервированные карпаччо, песто, сашими, – все эти иностранные названия блюд давали людям ощущение своей причастности к элите. Окружающая Профессора среда начинала давить, все более ухудшая его внутреннее состояние. Еще месяц назад он смотрел на Стамбул как на чудо, но теперь ощущал, что не может выносить этой имитации элитной жизни, и думал о том, как же все объяснить своей любимой жене – дело это было и впрямь очень трудным. А что, если Айсель скажет ему: «Милый, давай прогуляемся, ты засиделся, надо развеяться». Или что-нибудь наподобие: «Если тебе не нравится, давай поищем другой ресторан», и тогда уже не останется никакого выхода.

Вся и всё обесценивается моментально.

Он снова думал о Хидаете, отплывающем на паруснике, чтобы увидеть город, в котором жил Кавафис.

«Вот уедешь ты на учебу в Стамбул, а я что буду делать?!» – сказал Хидает. Они сидели в одном из кафе на Паспортной пристани и, потягивая холодное пиво «Текель», наблюдали, как меняется на закате вода в заливе, по выражению Гомера, становясь «морем винного цвета»[12 - Отсылка к «Одиссее» Гомера.].

– Такая жизнь не по мне. Планируешь, приспособливаешься, терпишь кучу всякого дерьма. Я жду от жизни другого.

– Чего ты ждешь? – спросил Ирфан.

– Не знаю, – ответил Хидает. – К тому же ты уже вытащил свою счастливую карту, не так ли? А я не знаю, какая судьба выпадет мне.

Несколькими днями позже парусное изобретение Хидаета, которое трудно даже было назвать кораблем, превратилось в маленькую точку и скрылось за горизонтом. Может быть, его прибило ветром к Криту, а может, захваченный врасплох штормом, он разбился о скалы. Или просто пропал без вести, кто знает! Профессор чувствовал, что его тоска по Хидаету разрастается.

Тайна Джемаля

Человек с ненаметанным глазом, глядя издали и не подумал бы, что там находится деревня. Расположенные на склоне горы одноэтажные глинобитные домики сливались по цвету с этой неплодородной землей, и если смотреть издали, то можно было и не уловить следов человеческого присутствия: деревьев, речки, колодца.

Все было укутано снегом.

Когда группа Джемаля вошла в деревню, то не застала там ни одной живой души. Крыши домов были завалены сугробами. Из печных труб не поднимался

дым. Вокруг – ни людей, ни животных. Джемаль уже привык к этому. В районе спецоперации армейские подразделения добивали остающихся в курдских селениях подразделения РПК. Те, не имея другого выхода, пытались отсидеться, прячась в домах. Согласно полученной информации, прошлой ночью несколько террористов вошли в эту деревню. Днем их могло прийти бы и больше, но в задачу группы Джемалья входило – в целях предотвращения укрытия боевиков освободить деревню, а дома сжечь. С этой же целью следовало поджечь лес на склонах гор. Лес оставлять было нельзя: нужно было, чтобы террористы, укрывающиеся там, были видны как на ладони. Джемаль слышал о тысячах сожженных деревень. Сам он тоже участвовал в сожжении, по меньшей мере, двадцати, и уже привык, втянулся.

В этой деревне все шло как всегда: людей вытаскивали из домов и, разместив на одном из постов, допрашивали в школе. Сведения о боевиках выбивали с трудом, женщины надрывались от крика и плача, мужчины стеснялись раздеваться донага перед всеми и отказывались подчиняться, им было трудно ступать босыми ногами по острым и твердым камням; услышав приказ капитана: «До завтрашнего дня деревню освободить!», – они впустую умоляли не разрушать их домов. Вчера боевики РПК тоже угрожали, что уничтожат их жилища в ответ на требования военных сдать оружие. Жители села упрямо молчали и ничего не говорили. И к этому Джемаль уже привык. Он и его товарищи знали, что в ответ на их требование, как и на требование боевиков, никто не станет сдавать оружие. Вплоть до сегодняшнего дня ни один из жителей села ни в чем не сознался и не показал оружейные схроны, устроенные за пределами деревни.

Джемаль был убежден, что для этих людей существуют три самые важные вещи: оружие, ослы и их собственные яйца. Они не сдают оружия, пуще глаза берегут своих ослов, с помощью которых добывают пропитание, а когда их бьют, умоляют: «О Аллах! Командир, только не по яйцам!» В первую очередь они боялись потерять свое мужское естество.

В своей группе Джемаль был единственным человеком, знающим курдский язык, однако он с трудом понимал, когда деревенские начинали говорить меж собой. Он усвоил от Мемо только ломаный курдский – этого было недостаточно, чтобы понимать все говоры, иногда получалось лучше, иногда хуже.

Женщины, рыдая, грузили на ослов свои пожитки, дети тащили узлы, а мужчины в ужасной безысходности вздымали руки в мольбах. Жителям было сказано:

«Можете идти куда хотите». Многие разбрелись по дорогам: некоторые отправились в Диярбакыр к своим родным, другие – в Стамбул, Измир, Анталию, Адану, Мерсин. Главной задачей военных было зачистить этот район от людей, уничтожить деревни, в которых боевики РКП могли бы найти убежище и пропитание.

Джемаль думал о голосе, который он слышал по рации, и к нему пришла мысль, что, возможно, и Мемо этой ночью пришел в деревню. По отношению к своему ближайшему другу он испытывал сложную гамму самых разных и странных чувств. Когда он думал о Мемо, война напоминала ему шуточные школьные представления у них в селе, однако от свиста пуль и взрывов ракет все его естество наполнялось диким страхом, и все шутливые воспоминания испарялись как дым. Первое время он перебирал в памяти все связанное с Мемо: как они охлаждали в речке сворованные на бахче дыни и арбузы, как жарили в бидоне пойманную сетью рыбу, как его старшие товарищи пили ворованную ракию, а он, из-за страха перед своим отцом-шейхом, даже руки не протянул к этому мерзкому напитку. Джемалья охватывала волна безграничного стыда и вины, когда он вспоминал, как его друзья, пересмешничая, привязывали камни к хвостам ослов. А потом, приукрашивая и добавляя от себя семь верст до небес, пересказывали самые непристойные в мире байки про Чистую Невесту. Он пытался сдержать возбуждение, потому что знал – от самого ужасного греха – онанизма, можно ослепнуть, так говорил его отец-шейх, и засыпал в страхе: как бы не стали искушать его своими видениями злейшие враги человека – бесы!

Все реже он вспоминал их невинные детские шалости: мины, «калашниковы», засады и полиэтиленовые пакеты, наполненные оторванными кусками тел товарищей, очень способствуют стиранию из памяти довоенного времени. Прошое, когда они жили в селе, совершенно не вязалось с настоящим и постепенно исчезало из памяти Джемалья.

Странное дело: на представлениях в День освобождения Мемо обычно играл роль турецкого солдата, а он, Джемаль, – русского. Сейчас они поменялись местами: Джемаль был турецким военным, а брат Мемо – курдским партизаном.

Каждую ночь он слушал ломкий голос Мемо, предлагающий партизанам сдаться, но никто об этом не знал. Даже под угрозой смерти Джемаль не выдал бы эту тайну. Как же трудно было ему, слушая знакомый голос в рации, делать вид, что ничего особенного не происходит! Но так уж вышло, что однажды ночью он открыл эту тайну Селлахатдину, который спал рядом на верхнем ярусе кровати и

которому он очень доверял. Джемаль говорил шепотом, чтобы в казарме никто не мог ничего услышать. В ответ Селахатдин, который был поумнее его (Джемаль в этом был уверен), сказал: «И рта не открывай! Иначе тебе все это выйдет боком!» Джемаль послушался его совета. Селахатдин был парень из Ризели, его происхождение выдавал огромный нос – такой же, как у всех жителей черноморского региона. Многие из его боевых друзей были выходцами с Запада или Черноморья. Немало ребят родились в Тракьи и Эгели. А такие, как Джемаль, приехавшие с Востока, встречались редко. Селахатдин рассказывал ему про Стамбул, про рыбные торговые ряды, куда его дядя поставлял рыбу с судов Сарыера, про рыбные фермы в районе Эгейского моря. Все это для Джемала было как диковинный сон...

Поскольку Селахатдин тоже был глубоко верующим, они держали пост во время месяца Рамадан и, если находилась такая возможность, совершали вместе дополнительные намазы-нафили. То, что отец Джемала был шейхом, вызывало у Селахатдина особое уважение. Себя Селахатдин называл последователем суфийского тариката (пути) Ушшаки, он постоянно расспрашивал Джемала о том, к какому ордену принадлежит его отец, однако Джемаль ничего толком не мог объяснить. Несмотря на то, что отец Джемала был шейхом, а сам он восемь лет посещал курсы по изучению Корана, Джемаль не знал, к какому течению он принадлежит. Как мог, он пытался рассказать что-то про тарикат, говорил, что его отец использует турецкие, арабские, персидские слова, чтобы передать красоту Всевышнего и то, на каких принципах построен этот мир. Однако у Селахатдина, гораздо лучше знающего религиозную проблематику, это не вызывало доверия, и у него закралось подозрение, что отец Джемала – один из ложных шейхов, какие нынче были распространены в Анатолии.

После полной эвакуации людей они принялись входить в жилища и обыскивать их. Как и предполагалось, ничего это не дало. Облив бензином, они подожгли дома. Когда пламя с шумом и треском охватило деревню, женские крики поднялись до небес. На глазах, словно щепки, сгорали их гнезда, их добро. А сами они кричали так, словно сгорали их сердца. Мужчины, державшие за поводья ослов, чтобы те не убежали, не плакали, они молча смотрели, как горит деревня, а в их глазах читалась дикая злоба.

Если бы такое случилось раньше, Джемаль ужасно бы расстроился, по меньшей мере, разделил бы с людьми, чьи дома гибли, их боль, почувствовал бы сожаление, однако за долгие военные месяцы он видел столько горя, что на этот раз внутри него ничего не шелохнулось. По сравнению с другими событиями

сожжение деревень было детской забавой. Не ранее чем две недели назад он видел почерневшие трупы. Муж и жена, учителя, которым еще и по двадцать лет не исполнилось, были расстреляны из микроавтобуса боевиками РПК, и Джемаль в оцепенении смотрел на два молодых тела, даже лица которых были почерневшими...

Эти горы вокруг были ужасны, и человек, говорящий по рации голосом брата Мемо, непрестанно твердил о «праве гор и праве ночи». Действительно – каждый выступ, пещеру, каждую расщелину боевики знали намного лучше, у них были более тесные связи с курдским населением. Даже животные их признавали. Когда Джемаль с товарищами приближался к деревне, собаки кидались на них как бешеные, поднимали лай на всю округу. Они были вынуждены убить нескольких пастушьих псов – карабашей. А если в ту же деревню просачивались партизаны, в ночной тьме ни один пес не издавал ни звука. Долгое время он пытался разгадать эту загадку. Наконец в один из дней Джемаль услышал, как в курдской деревне окликают собак. Джемаль и его команда приказывали: «Молчать!» по-турецки, а курды издавали странный гортанный звук, который заставлял собак умолкнуть. Джемаль старательно подражал этому звуку, но собаки его все равно не слушались.

Та же история с ослами. Деревенские жители странными звуками, которые невозможно было скопировать, управляли ослами так, будто разговаривали с ними на их языке. Однако как-то вечером Джемаль встретил человека, который не справился с этим. Они увидели, как некто с ослом направляется прямо на заминированный участок. Если бы они предупредили его – выдали бы свою засаду, если бы не предупредили – человек бы подорвался на минах. Они затаились. Взрыва долго не было. И они не выдержали, закричали: «Не ходи туда, там мина!»

Мужчина остановился, однако не смог сдержать осла, который от испуга понесся прямо на минное поле. Хозяин издавал множество звуков, пытаясь остановить животное, но все зря. Осел был обречен. Джемаль почувствовал взрывную волну и увидел ноги убитого осла, летящие по воздуху, которые через секунду упали прямо на Селахатдина. Хозяин осла рыдал, оплакивая гибель непослушного животного. Сквозь слезы твердил, что теперь его жизнь окончательно разрушена...

Джемаль предполагал, что Мемо может быть среди тех, кто воевал в горах. Потому что он всегда был очень метким стрелком.

Когда он в первый раз услышал голос друга детства, все внутри у Джемала обмерло. Ему было бы мучительно увидеть Мемо среди погибших врагов. Он ненавидел эти горы, где и сам мог быть убит в любой момент. Стоя в ночном дозоре, он думал, что вот сейчас его продырявит пуля, выпущенная Мемо. А если бы ему самому довелось встретить Мемо, то он убил бы его, не моргнув глазом, потому что тот – государственный преступник, а Джемаль – военнообязанный, который призван защищать страну от врагов.

Джемаль увидел, что жители деревни, до этого в безысходной печали созерцавшие, как горят их дома, начали расходиться. Погрузив на ослов ковры, тюки и детей, они постепенно исчезали...

Один немощный старик умолял капитана: «Ноги не держат меня, командир. Ну, куда я пойду?» Глаза белобородого старца, с трудом изъяснявшегося по-турецки, были полны боли. Рядом с ним стоял тощий мальчишка, на вид ему можно было дать лет девять или десять. Немного погодя выяснилось, что у старика нет родных, кроме этого маленького внука. Всю семью убили, а он в своем доме на окраине держал семь овец и трех коз, старался хоть как-то выжить. Обливаясь слезами, старик умолял разрешить ему остаться здесь вместе с животными. Капитан, увидев, что иного выхода нет, ведь переправить в другое место калеку будет очень трудно, сказал: «Ладно, оставайтесь!» Джемаль видел, как в глазах у мальчишки заиграла радость. Самым ярким на лице мальчишки были огромные карие глаза: когда тот улыбался, они начинали сиять невероятным светом. Ребенок улыбался, хотя вокруг бушевал пожар. На краю деревни уцелел одинокий дом, его не тронул огонь, и теперь он с дедушкой сможет остаться и поселиться там. Мальчику не хотелось оставлять коз и овец на этих холмах, он не представлял себя не только в городе, но и нигде в другом месте, за пределами этих гор.

Джемаль смущенно достал из кармана мелкие деньги, положил в ладонь мальчика и потрепал его по голове. Он постарался сделать это незаметно для окружающих, чтобы не смутить ребенка. Мальчик взглянул на него с благодарностью.

Этим вечером, после возвращения на пост, случилось нечто, чрезвычайно взволновавшее Джемала. Хриплый голос Мемо в рации, после нескольких ругательств, отпущенных в адрес турецких вооруженных сил, переговариваясь со своими, сказал по-курдски: «Я иду к пророку Ною». Эта фраза, сказанная

среди десятков других слов, вроде бы ничего не значила. Мемо всего лишь сказал: «Я иду к пророку Ною», однако Джемаль знал старые шуточки Мемо, он был уверен: Мемо произнес ее умышленно, «Пророк Ной» означал гору Джуди[13 - В течение 200 лет хребет горы Арарат называли «Джуди». Гора Джуди, о которой здесь говорится, лежит в 200 милях к югу от горы Арарат.]

Потому что все в этой местности свято верили в то, что ковчег Ноя остановился на горе Джуди, и Мемо, просиживая часами на берегу озера, мечтал о том, как однажды он поднимется на Джуди, обследует каждый дюйм и непременно найдет Ноев ковчег.

Это означало, что боевики оставляют место своего обитания – заснеженные вершины, куда по склонам поднимался огонь, и направляются к Джуди. Ведь военные, знавшие Джуди как свои пять пальцев, недавно снялись и ушли оттуда.

После еды Джемаль сказал капитану: «Командир, я хочу сообщить вам нечто очень важное».

От волнения его лицо стало красным как закат, предвещающий жаркий день.

Почему не поют петухи?

Из поколения в поколения передавались предания о чудесах, дарованных Всевышним и Святой Марией, каждый мог стать их свидетелем.

Вот и Мерьем так молила Святую Деву, что, когда двери амбара, заскрипев, отворились и на пороге вместо змеи Дёне появилась повитуха Гюлизар, девушку крепко обняла радость: выходит, Бог принял ее молитвы! И вот она, милая няня, с ее извечным белым батистовым шарфом на голове, лучистыми добрыми глазами, добрыми руками, стоит напротив Мерьем. Сквозь оставленные открытыми двери просачивался солнечный свет.

Гюлизар уже так давно занималась акушерством, что, кажется, в селе не осталось ни одного человека, который бы не прошел через ее руки. Все были для

нее словно родные дети.

А в жизни Мерьем ее роль была исключительно важной: во время родов шею девочки обвила пуповина, и в мир она пришла бездыханной. Руки Гюлизар сняли с посиневшей шеи ребенка пуповину, первый глоток воздуха попал в легкие, и девочка ожила. Мать ее не удалось спасти. Когда Мерьем приходили в голову мысли о смерти, она находила в себе силы не думать об этом: «Хватит, я уже один раз умирала». Да и дома все приговаривали: «Девочка эта мертвой родилась, еще раз не сможет умереть».

После десяти изнурительных дней, проведенных в страхе и одиночестве, она кинулась к повитухе, крепко-крепко обняла ее за шею и, вдыхая запах батистового платка, разразилась рыданиями.

– Со мной случилась беда, биби! – шептала Мерьем. (Все дети называли Гюлизар не «тетя», а «биби»). – Я хотела убить себя.

– Знаю, девочка моя, – сказала повитуха Гюлизар, – смотри, больше так не делай!

Она начала причитать и сетовать на женскую долю: каждая проходит свой тернистый путь, если ей довелось родиться женщиной, а потом несколько раз повторила: «Пропади она пропадом, эта женская доля!»

– Вспомни, дитя, сколько горестей выпало Мерьем, благословенное имя которой тебе дали! Ее сына убили. Разве ты не знаешь?

– Знаю, – ответила Мерьем.

– Детей нашей матери Фатимы тоже убили, внуков благословенного нашего Пророка[14 - Речь идет, в частности, о гибели шиитского имама Аль-Хусейна ибн Али аль-Кураши – второго сына Али ибн Абу Талиба и дочери Пророка Мухаммада Фатимы. День его гибели во время сражения близ Кербелы с войском омейядского халифа Язида I отмечается шиитами как траур ашура.].

– Это я тоже знаю, – сказала Мерьем, – в Кербеле.

– Знаешь, доченька, – повитуха Гюлизар погладила ее по голове, – я прошла сюда через тысячу трудностей. Никто не хотел тебя показывать. Целыми днями я умоляла, и наконец надо мною сжалились. Сердце твоего отца мягкое, но твой дядя, сказав «А», не говорит «Б». Слушай меня хорошенько, возможно, это последняя наша возможность поговорить, другой раз меня могут сюда не пустить. В селе все волнуются за тебя. Все переживали, когда нашли тебя на кладбище, где ты лежала в пыли, словно израненная птица...

Мерьем и в самом деле нашли там: на кладбище, на краю дороги, недалеко от въезда в село. Ее лицо и руки были исцарапаны кустарником и ветками деревьев, ноги испачканы кровью, сорванный с головы платок валялся на земле, она билась о землю, дико кричала, руками и ногами колотила по воздуху. Увидевшие ее мальчишки решили, что в девушку вселился джинн. Пришли добрые люди, на руках понесли ее домой. Но девушка не могла успокоиться: пиналась, вырывалась. Она то теряла сознание, то снова приходила в себя и, вырываясь из дружеских рук, падала на землю. Путь к ее дому лежал мимо поселкового рынка, и когда израненную, всю в синяках, ее несли по пыльным улицам – все были там, и каждый видел ее беду...

После того, как ее принесли домой, она два дня не приходила в себя, лежала с температурой в бреду. Позвали повитуху Гюлизар – вот тогда и стало ясно, что Мерьем жестоко изнасиловали. Чтобы сбить температуру, Гюлизар клала ей на лоб ткань, смоченную в уксусе, ставила на спину банки, на грудь нанесла йодную сетку. Чтобы привести девушку в сознание, ей постоянно давали вдыхать нюхательную соль. Наконец Мерьем вроде бы пришла в себя. И в тот же день семейный совет вынес решение: перевести ее в этот сарай.

– Многие знакомые в селе пытались тебя спасти, – сказала Гюлизар. – Встречались с твоим дядей, говорили, что в случившемся нет твоей вины и что эта старая традиция должна быть упразднена. Каждый хотел тебя спасти...

Мерьем спросила:

– Они, что ли, не ждали, что я покончу с собой?

Помедлив, Гюлизар ответила:

– Конечно, такие тоже есть. Но, по крайней мере, некоторые пытались спасти тебя.

– Раньше, случалось, девушек в Стамбул отправляли. Пусть меня тоже отправят, – попросила Мерьем.

– Ах, доченька, – сказала повитуха, глядя волосы Мерьем, – ах, бедная моя девочка. Стамбул – это не выход! Более правильным было бы убедить твоего отца и дядю не делать этого! Вот если бы ты мне помогла и рассказала обо всем, что случилось... Поведай, кто совершил над тобой это?

Услышав вопрос, Мерьем замолчала, ее лицо помрачнело, она уперлась взглядом в пол.

– Скажи, доченька, – спросила повитуха, – назови имя негодника или негодников, и тогда я смогу спасти тебя. Если это дело прояснится, им не поздоровится. Полицейские переломают руки-ноги этим насильникам, избьют как собак, а потом бросят в тюрьму. Или же наша семья позаботится об этом...

Мерьем продолжала упрямо молчать, у нее даже дыхание перехватило от страха, и только в исступлении раскачивалась взад-вперед.

Повитуха Гюлизар долго умоляла назвать имена насильников, однако девушка не произнесла ни слова. Можно было решить, что она не знает своих обидчиков. А может, они набросили ей на голову покрывало или мешок и совершили черное дело, не показывая своих лиц? Или девочку так ударили по голове, что она и впрямь ничего не может вспомнить?..

Да если бы и вспомнила, вряд ли бы от этого была какая-то польза. Попытки Гюлизар объяснить дяде Мерьем, главе семейства, что если они найдут того, кто надругался над девушкой, то смогут заставить его жениться, были тщетны. Гюлизар была пожилой женщиной и могла говорить с мужчинами откровенно. Однако этот угрюмый мужчина сказал, как отрезал:

– У нашей семьи нет никаких общих дел с насильником. Никакого брака быть также не может!

Некоторое время нянюшка продолжала увещевать Мерьем, но в конце концов поняла, что у девушки ничего не узнаешь, и перевела разговор на другую тему.

– Детка, – сказала она, – если от этого срама ты забеременеешь, для всех будет еще хуже. Если станет ясно, что ты понесла... Избави Бог! Поэтому, если ты беременна, мне кажется лучше, если у тебя случится выкидыш...

С того момента, как начались эти расспросы, Мерьем не переменила позы, она продолжала молча раскачиваться взад-вперед. Как будто ничего не слышала и не понимала – ни про нападавших, ни про возмездие. Глядя на свет, просачивающийся в помещение сквозь щель, она словно погрузилась в какие-то свои грёзы...

И Гюлизар стала сетовать на мучительную долю, которая сопровождает женщину всю жизнь, и возносить проклятия в адрес тех, кто причинил зло целомудренной девушке. Распростерши руки, обратив лицо к небу, она причитала:

– Да пусть им пусто будет, пусть у них руки-ноги отсохнут за то, что пролили ее невинную кровь, да чтобы они околели!

Тут Мерьем начала приходить в себя. Она словно очнулась.

Уставившись на Гюлизар своими зелеными глазами, она спросила:

– Биби, а может быть, они разрешат мне помыться? У меня волосы слиплись, голова грязная, только одно ведро воды хотя бы, другого мне ничего не надо.

С того самого часа, как ее заперли в амбаре, ей хотелось стать, как их старый дед, потерявший жену. Этот огромный человек совсем не мог есть, поэтому в туалет ему сходить было трудно. Казалось, он вообще не ходил в уборную. Однако не кормить родственника считалось постыдным: хочешь не хочешь, а Дёне была вынуждена время от времени бросать ему в миску хоть несколько ложек еды. Но потом Дёне оставила его на морозе в саду. Мерьем было невыносимо видеть его труп, засыпанный снегом...

Гюлизар вышла, чтобы узнать насчет воды. В дневное время в доме мужчин не было, этот вопрос следовало решить с теткой девушки.

Когда через полчаса она вошла в сарай с корытом в одной руке и ведром горячей воды в другой, на сердце у бедняжки разлилось блаженство: тетя разрешила ей искупаться!

– Биби, тетя ни разу не приходила, чтобы повидать меня.

– И не придет эта неверная!

В самом деле, Мерьем знала, что тетка ненавидит ее, поскольку считает, что ее рождение стало причиной смерти ее близняшки-сестры. При других обстоятельствах, как бы ни было тяжело, она признала бы, что ее сестра просто умерла во время родов, как это случается и с другими несчастными женщинами. Однако сон, который она видела, доказывал абсолютно точно, что причиной смерти ее любимой сестры была Мерьем.

Когда Мерьем была маленькой, то не понимала, почему тетя так плохо относится к ней, почему постоянно хочет ее напугать, но, повзрослев, поняла причину такого к себе отношения. Ее появление на свет принесло тетке горе. Она во всем обвиняла Мерьем, считала ее тупой, называла грешницей, приносящей неудачу, и девочка терялась в догадках: что бы такого сделать, чтобы понравиться смотрящей на нее змеиным взглядом тетке? Однако, что бы ни делала, не могла добиться от нее ласкового слова.

Биби, посадив Мерьем в корыто, начала мыть ее, словно ребенка. Мерьем, глядя, как с ее головы стекают горячие струи воды, чувствуя, как руки биби намыливают ее волосы, ощутила счастье.

Закончив купание, Гюлизар вышла, но скоро вернулась с покрывалом в руках и закутала девушку, чтобы та не замерзла. Одновременно няня вытирала ее, приговаривая: «А сейчас ты хорошенечко послушай мои слова, умная моя девочка! Мы должны позаботиться об этом бастрюке. По твоим глазам я вижу, что ты забеременела».

Мерьем ни звука не издала, когда Гюлизар натирала ее между ног каким-то снадобьем, настоящим на травах, и так же молча выпила протянутый ей

вонючий настой.

Повитуха Гюлизар, делая аборт, не прибегала к опасным методам – не вкалывала в матку женщинам перья птиц и черенки от баклажанов.

Закончив дело, Гюлизар положила голову Мерьем к себе на колени и, словно ребенка, с жалостью начала гладить по голове. Через какое-то время Мерьем произнесла:

– Биби, мой живот разрывается!

– Ничего, детка. Скоро пройдет.

Прежде чем погрузиться в сон, Мерьем спросила:

– Биби, почему петухи не поют?

– Петухи всегда поют, – ответила нянька. – Только некоторые люди их слышат, а некоторые нет.

Мерьем прошептала:

– Я уже не слышу.

– Это оттого, что ты не хочешь, чтобы наступало утро, – ответила ей повитуха Гюлизар.

Ночью Дон Кихот, а днем – Санчо Панса

Ирфан этой ночью совсем не сомкнул глаз. Он и не думал принимать снотворное: слонялся из угла в угол на втором этаже дома, сидел в плетеном кресле у крытого бассейна и смотрел, как преломляется свет в воде. Ожидая наступления утра, он спокойно собирал в кабинете свои бумаги, впервые за многие дни не чувствуя того ледящего страха, который обрывает дыхание и сжимает

изнутри сердце. Сидя у бассейна, он строил планы на грядущий день. Сегодня наступит торжество победы над трусостью, сегодня он отменит установленные другими правила, по которым жил. Словно брошенному на морское дно со связанными ногами, легкие которого забили водоросли, мешающие дышать, лишенному надежды вдруг сверху ударил луч света, нашел к нему путь и спас. Так Профессору, отвязавшемуся от страхов, впервые пришло понимание, что он будет жить.

Он еще ничего не сообщал Айсель, бедняжка наверху сладко спит и не подозревает, что ее судьба вот-вот переменится.

Утром, придя в университет, первым делом он войдет в кабинет заведующего и вместо того, чтобы, заикаясь, приветствовать начальника, как делал это долгие годы, Ирфан даст в морду этому мерзкому провинциалу. Была ли еще одна причина, кроме пресловутого общественного мнения, чтобы вмазать этому старому подлому негодяю, распространяющему слухи о его «интеллектуальном воровстве», и разорвать невидимые нити лилипутов, опутавших его. Раз это сможет принести ему облегчение, то надо сделать именно так. Надо будет даже оставить открытой дверь и врезать по грязному похотливому рту заведующего отделом на глазах у секретарши – чтобы все видели, как у этого негодяя вылетают его гнилые зубы. Начальник будет ошеломлен нападением, потом его охватит ужасный страх, однако через пару-тройку минут он придет в себя, примется орать, что он ранен, и требовать сатисфакции, угрожать, что Ирфан дорого за это заплатит, позовет секретаршу, и одно за другим посыпятся указания: «Дочка, немедленно позвони адвокату. Свяжись с ректором. Нет, сначала сообщи в полицию!» Он будет прижимать носовой платок, стараясь остановить кровь, и попытается успокоить себя мыслью о том, что «этот преступник будет с позором брошен в тюрьму!» В университете немедленно станет известно о происшествии. Об этом сообщат в прессе. Одновременно начнут звонить сотни телефонов, и друзья, словно почуявшие запах крови волки, начнут плести в коридорах сладко-медовые сети сплетен. Ирфан, улучив момент, ринется в кабинет отвратительной женщины – Шэрмин-ханым. Чтобы и ей преподать урок!

Однако, строя планы в сумрачном помещении бассейна, где отражались и преломлялись в воде блики лампового освещения, он так и не сумел окончательно придумать, что же он сделает с Шэрмин. Но эту злобную ведьму надо непременно проучить! Может, глядя в широко открытые от изумления глаза, помочиться прямо на ее рабочий стол?! Да уж, ее от такой выходки и

кондрашка может хватить. Однако он не был уверен, что справится: под взглядом этой бабы, да если за спиной еще и секретарша будет, вряд ли он сможет исполнить это. Но план был настолько хорош, что от него не хотелось отказываться. Он думал-думал и в итоге нашел выход: еще до похода в кабинет заведомо надо будет выпить подряд несколько стаканов воды и подождать, когда приспичит. И когда он ворвется в кабинет Шэрмин-ханым, все случится само собой, ему только и останется, что расстегнуть ширинку. Он был уверен, что после этого женщина обезумеет, начнет биться в истерике, секретарша бросится названивать по телефону, через некоторое время к этой суматохе присоединится и заведующий отделом с окровавленным ртом. А, возможно, и ректор, получив информацию о чинимых его подчиненным безумствах, спустится, чтобы посмотреть на скандал – вот тут-то надо будет срочно убираться из университета! Надо закончить письмо для Айсель, подготовить документы и сделать другие необходимые вещи...

Как и следовало ожидать, на следующий день Профессор не сделал ничего из задуманного.

И от этого почувствовал себя еще хуже, чем раньше.

С первыми лучами утреннего света все его ночные фантазии рассеялись, солнце звало вернуться в реальный мир. Многие мысли, казавшиеся в ночной темноте правдоподобными и осуществимыми, в утреннем свете предстали полным бредом. Профессор, как и многие люди, по ночам бывал Дон Кихотом, а с рассветом превращался в Санчо Пансу. Чтобы понять, что месть, которую он обдумывал, сидя у ночного бассейна, на практике неосуществима, можно было бы и в университет не ходить.

Он понял это, еще не выходя из дома. А когда прибыл в кабинет начальника, то сделал все, чтобы окончательно разрушить свои утопии. Прямо от дверей кабинета заведующего он скромно произнес: «Доброе утро» и, тут же что-то пробормотав, ретировался. В дверь уже входил следующий посетитель, один из них должен был уступить место другому, и этим уступившим был Профессор – на протяжении целой ночи бьющий морду, ломая нос, отвратному для него человеку, он не сумел сказать ни одного слова. Попятившись назад, он «по-джентльменски» дал дорогу другому, что свидетельствовало о его полной ничтожности и неисправимости. Вместо того чтобы оскорбить, произнести унижающие слова, он продемонстрировал уважение и почтительность...

Стоит ли рассказывать о его походе в кабинет Шэрмен-ханым?

Войдя, наконец, в свой кабинет, Профессор впал в ужас по поводу собственной персоны. Но чтобы не отменить своего главного, жизненно важного решения и поставить окончательную точку, он немедленно сел писать электронное письмо жене. Набрал ее емейл – ayselkurudal@hotmail.com, а в адресе отправителя указал свое имя, однако тело письма оставил пустым. Что он мог там написать?! Прощальную записку?! Сообщение о разлуке?!

Удрученный неосуществимостью своих фантазий, Профессор начал послание с обращения: «Любимая». Потом подумал, что с самого начала надо быть честным. Можно ли начинать прощальное письмо словом «любимая»? И как он мог обратиться к жене, с которой прожил двенадцать лет? «Любимая моя женушка», «моя Айсель», просто «Айсель» или только лишь «здравствуй»?!

Подумав, он решил все же сохранить обращение «любимая». Потому как целью его послания была необходимость сообщить о своем уходе, а не уходе любви.

После глубоких размышлений письмо Профессора жене вышло таким:

«Любимая!

В нашем законодательстве есть правовая концепция, которая подразумевает использование такого понятия, как право на самозащиту или право на самооборону... Вот и я пишу тебе это письмо, чтобы объяснить, что сейчас попал именно в такое положение. Несмотря на то, что для тебя все выглядело как обычно, я находился в состоянии пожирающего меня беспокойства, которое в последнее время усилилось и стало абсолютно невыносимым. Это никак не связано с тобой, моим отношением к тебе. Я люблю тебя как прежде, но, к сожалению, я должен попрощаться с этой жизнью и отправиться в другую страну. Я хочу, чтобы ты меня правильно поняла. Это не мой выбор, я вынужден защищаться. Если я этого не сделаю, то в один день не смогу больше жить. Или погибну, или совершу самоубийство. Есть только два варианта, и я выбираю право жить. Все мое естество расшатано до основания. Чтобы я мог дышать, мне необходимо переселиться в другое место, я должен остаться наедине с самим собой. Надеюсь на твое понимание. Не ищи меня; я отправляюсь в дальнее путешествие. Если в один прекрасный день я смогу победить это ужасное

чувство, я позвоню тебе.

До свидания, любимая.

Ирфан».

Он очень хорошо представлял, насколько расстроит Айсель его письмо. Он смотрел на послание, еще не ушедшее с экрана компьютера, и понимал, как низко падет он в глазах всех – от домашней obsługi, водителей, рабочих до родственников и друзей. Каждый будет считать себя вправе предъявить ему счет. Он почувствовал, что эти мысли выбивают его из себя, и, испугавшись, что даст слабину и откажется от принятого решения, быстро нажал на кнопку «отправить». Письмо ушло, и теперь у Профессора не было возможности изменить принятое решение.

Он вышел из университета и, оставив свою машину на парковке, поехал в банк на такси. Еще раньше, утром, первым делом он позвонил в банк и попросил управляющую его счетом госпожу Нюкхет снять все деньги.

– Однако до срока выплаты осталась еще целая неделя. Вы много потеряете, – предупредила госпожа Нюкхет.

– Пускай, – ответил Профессор. – Подготовьте семьдесят две тысячи долларов. Я зайду сразу перед обедом и заберу.

Он знал, что если согласится ждать срока выплаты, то может потерять намного больше.

Засада и хохот

Они ждали, спрятавшись в ущелье за скалой.

Неожиданно потеплело, зарядивший дождь, который пришел на смену мокрому снегу, никого не обрадовал: все очень хорошо знали, что значит оставаться целую ночь под открытым небом. Сколько ни старайся, сколько ни

заворачивайся в нейлоновую накидку, а дождь непременно проникнет внутрь, и вся теплая одежда, в которую ты старательно обряжался, надеясь согреться, станет мокрой и предательски холодной. Ледяная вода хлюпала в ботинках, шерстяные носки мокли насквозь, пальцы ног немели от холода...

Но для засады такая погода была идеальной. Ночная мгла укутала горы, а льющий как из ведра дождь должен был затруднить положение направляющихся сюда боевиков РПК.

Чтобы не был виден огонь, Селахатдин курил, прячась под одеялом. Это было очень опасное занятие. Он подвергал опасности всю группу. Было дело, один из их товарищей тоже вот так курил под одеялом и был убит из-за маленького проблеска огня. Боевики не должны засечь ночную засаду, не должны предупредить своих о ней! Иначе они понесут большие потери. Джемаль выхватил сигарету у Селахатдина, потушил ее. Его лицо было настолько серьезным, что Селахатдин промолчал.

Джемаль страстно желал, чтобы Мемо со своей группой угодил в выставленную только что засаду, чтобы весь отряд повстанцев был ликвидирован. Мемо уже не был для Джемалья другом, он смотрел на него, как на кровожадного врага, убивающего его товарищей.

На Мемо он злился больше, чем на других, и хотел бы лично казнить его, выпустив в него пулю. Среди воевавших против них людей самым ненавистным для Джемалья, самым заклятым врагом был Мемо. Однажды, когда Джемаль переполняло это странное и жуткое чувство, он сказал Селахатдину: «Что делает с человеком страх смерти!» Джемаль думал, что уже привык к страху, но, как оказалось, к этому привыкнуть было невозможно. Днем и ночью ждать, что в любую секунду тебе в глаз вонзится пуля, выпущенная снайпером, вздрагивать, делая шаг, от страха наступить на мину и быть разорванным в клочья – это поселилось в подсознании, и это не могла пересилить даже десятилетняя дружба.

Джемаль знал, что Мемо стал искусным стрелком еще подростком, когда стал ходить на охоту за куропатками. Ружье в его руках было не просто инструментом, а частью его тела. Мемо мог воспользоваться им мгновенно: выстрел – и дичь падает!

Джемаль был безумно зол. В жизни он не испытывал ни к кому такую ненависть, как к бывшему другу! Потому что ствол оружия, с которым тот охотился на куропаток и зайцев, теперь был направлен против него и его товарищей. На погранзаставе, на открытой местности, в засаде – он постоянно ощущал этот направленный на него ствол.

Мемо поднялся на вершину горы и оттуда одного за другим отстреливал всех их. На привале, открыв маленькие двухсотграммовые консервные банки, они торопливо ели холодную пищу – и ожидали пули; пили наполовину замерзшую воду – и не могли избавиться от мысли, что в любой момент может прилететь ракета. Оттого, что они целыми днями питались только твердой пищей, они постоянно страдали запорами и, присев на корточки посреди поля, испражняясь калом с кровью, дрожали от ужаса в ожидании смерти. Изредка на разведенном небольшом огне они пытались согреть воду, чтобы хоть как-то смягчить свой кишечник, снимали со спины свернутую скатку и растягивались на тонких поролоновых ковриках прямо на голой земле. Они не могли избавиться от мысли, что в этих горах от смерти спастись нельзя.

Некоторые солдаты лучше приспособились к ожиданию смерти и не трепетали перед боем. Они говорили: «Будь что будет! Чем ждать, как бараны, смерти в этих горах, лучше уж вернуться домой в гробу, покрытом флагом со звездой и полумесяцем».

Джемаль знал, что смерть исходит от Мемо. Он с горечью думал о том, что в золотые дни их юности и представить себе не мог, что в будущем станет целью для ружья Мемо, подобно куропатке на охоте. Десятки ночей они просиживали вместе до утра, ели в гостях друг у друга и по-юношески то и дело влюблялись в девушек.

А сейчас они хотят друг друга убить.

Джемаль чувствовал, что от бешенства даже не может вздохнуть полной грудью. Он думал, как спастись. Скоро он встретит Мемо и с полным правом накажет его, а винтовку вырвет из его рук и разнесет вдребезги, чтобы тот больше не мог стрелять. «Собака! – прошипел Джемаль. – Взбесившийся убийца друзей, неверный пес!»

С тяжелыми пулеметами, гранатами, ракетами, винтовками ГЗ они удерживали занятую позицию; тянулись часы, однако боевики РПК не появлялись.

В таких засадах никто не мог заснуть, каждую минуту надо быть настороже. Члены группы не переговаривались, даже шепотом. Джемаль хорошо знал мысли и мечты, в которые погружался в такие моменты каждый... И он так был сосредоточен на Мемо, что словно наяву видел его перед собой. Его сердце колотилось, но когда разум возвращался к нему, то он давал себе отчет в том, что находится где-то посредине между сном и бодрствованием. Этой ночью нельзя было совершить никакой ошибки, никакого необдуманного поступка. При мысли об ошибке, ему вспомнился один футбольный матч с Мемо в селе, на котором были допущены многие ошибки и совершены многие глупости...

Ему вспомнилась площадка рядом с гаражом, где они, заодно переругиваясь, засчитывая и не засчитывая голы, рубились в футбол, обливаясь потом. Один раз они хотели непременно победить команду соперников из соседнего села, и Джемаль, чтобы обеспечить успех, придумал пойти к ходже и попросить его написать амулет, чтобы защитить команду от проигрыша. Ходжа написал амулет и закопал в землю перед воротами. В первом тайме все чувствовали себя окрыленными от радости, потому что даже самые мощные броски попадали не в ворота, а в стойку, или же, отбитые вратарем, улетали на трибуны. Они очень верили в ходжу и силу амулета. Им и в голову не пришло подумать о перерыве между таймами. Перед тем, как выйти на поле, они с ужасом осознали, что команды поменялись местами и ворота, перед которыми был зарыт амулет, стали воротами команды соперников. Как они могли забить гол через ими же заложенный амулет?! Во втором тайме им забили три гола, и теперь уже их удары попадали в стойку, отбивались вратарем или, словно птицы, улетали за пределы поля. После поражения в матче Мемо сказал Джемалю: «Идиот! Ты всех нас подвел. Если уж ты додумался написать амулет, почему не учел, что ворота поменяют?!»

Джемалю оставалось только молчать – упрек товарища был справедлив.

А сейчас тот же Мемо хочет его убить, посылает свистящие над головой ракеты, стреляет по находящимся рядом товарищам, устраивает минные ловушки, покушается на жизнь Джемалю.

Он вздрагивал, когда дождевая вода, просачиваясь за шиворот, стекала по спине, однако делать было нечего, надо было ждать, не шелохнувшись. Вши, от

которых чесалось все тело, дождь, холод, боль, кашель, кровавый понос, грипп... Даже с сорокаградусной температурой они круглосуточно оставались в открытом поле под пробирающим до мозга костей дождем. Никаких «уважительных причин» для уклонения от этого быть не могло.

Джемаль пытался представить себе свое село, отца, мать, дядю, сестер, Дёне, Мерьем. Воображая, как женщины в доме заваривают чай и отец с дядей пьют его, засунув за щеку по куску сахара, он старался почувствовать внутреннее тепло, однако ничего не выходило. словно и не было никакой довоенной жизни, будто он так и родился солдатом в этих горах. Ничего не осталось у него в памяти, кроме приходящей в ночных снах, прячущей лицо Чистой Невесты, которая занималась с ним любовью. Чистой Невесты да заклятого врага Мемо. Свой дом, родных он представить себе уже не мог. Зато все, что было связано с Мемо, до мельчайших подробностей воскрешал в своей памяти. Он помнил худое, со впалыми щеками смуглое лицо, тонкие усики. Помнил, как во время улыбки рот Мемо скашивается направо, его спокойные, но полные внутреннего напряжения движения. Иногда перед его глазами вставал отец, порой Джемаль даже будто слышал его голос. Чаще всего тот появлялся, чтобы дать сыну наставление и предостеречь от греха. Отец держал под контролем все происходящее.

Под утро Джемаль почувствовал в группе какую-то напряженность: не видя друг друга в темноте, они остро реагировали на все происходящее. Они слушали ночь. Они старались уловить звук шагов тех, кто по радиации называл себя «властелинами тьмы и гор». Джемаль слышал даже, как капитан старается не дышать. В мокрой каше тающего снега что-то отчетливо доносилось. Это было похоже на «буль-буль» – странные, слабые, едва слышимые звуки.

Они даже не были уверены, что слышали что-то, но осторожно, без единого шороха, приготовили оружие. Сердце Джемалья колотилось не только в груди, во всем теле. Чуть позже они откроют прицельный огонь, запуская осветительные ракеты, чтобы разглядеть местность, а пулеметы в их руках будут изрыгать смерть...

И вот это случилось. Звук достиг высокого уровня, и в кромешной темноте капитан отдал приказ открыть огонь. Оглушительный грохот расколол ночную тьму. Стреляли вслепую. Запущенные в небо осветительные ракеты не помогли – ничего нельзя было разглядеть. В какой-то момент они ощутили, что в плотной тьме никого нет – огонь ведется впустую, хотя какое-то время продолжали

стрелять. Однако пора было заканчивать. Может, и в самом деле перед ними никого нет, а может, все погибли или отступили и сбежали. Над горами начал заниматься новый день, они осветились красноватым светом. Оставалось дожидаться рассвета. Солдаты ждали. Напрягая зрение, вглядывались в слегка проредившуюся тьму, пытались разглядеть противника. Дождь прекратился. После оглушительной стрельбы в ущелье наступила странная тишина, пугающая еще больше...

Засиявший из-за гор алый свет зари больно ударил по уставшим покрасневшим глазам, которые Джемаль ни разу не сомкнул за ночь. Он посмотрел на ярко-красную линию, которая очертила абрис горы, и увидел с правой стороны светящуюся, непривычно большую звезду. Ему стало не по себе.

Светало, вокруг не было ничего угрожающего или сверхъестественного. Долина лежала перед ними – беззвучная и сонная. У Джемалья крепло ощущение, что ночью они вели огонь впустую. Это уже было второе утро без сна, роту одолевала зевота. Капитан пребывал в сомнениях: если они стреляли в пустоту, то он может стать посмешищем в глазах солдат...

Подождали еще полчаса.

Из-за вершины горы выползло солнце.

Капитан поднялся с земли, выпрямился, огляделся вокруг, сказал хриплым голосом: «Никого не видать!» – и был сражен наповал. Это были его последние слова, пуля вонзилась ему в горло. Хлестала кровь, Джемаль никогда не видел, чтобы из человека вытекло столько крови. Солдаты кричали: «Командир, командир!», они сообщили по радиации о том, что капитан убит.

И вдруг Джемаль заметил блеск в скале. Он вспыхнул на мгновение – и сразу погас, и ему стало ясно, что капитан сражен затаившимся в скале снайпером. В ту же минуту в руках бойцов загрохотало оружие, по скале велся огонь из пулемета, полетели гранаты. Со стороны скалы выстрелили пару раз, и все стихло. Джемаль надеялся, что снайпера заставили замолчать навечно. Никто бы не смог скрыться против такого огня.

Выждав время, они подползли к скале, бросили еще несколько гранат и, лишь уверившись в том, что опасность миновала, пошли вперед. За скалой лежало то,

что еще совсем недавно было человеком. Он был разорван на части, с раздробленной и обгорелой головой, однако Джемаль понял, что это не Мемо. Изнутри его прорывался смех. Джемаль смутился. Он с трудом удержался от истерики. И подумал: «Вот гадство, нервы расшатались...»

Потом они нашли еще двоих, погибших во время ночной схватки. Мемо среди них тоже не было. Наверное, ему удалось сбежать. И раненые тоже могли спрятаться в горах. Джемаль думал: «Осел Мемо, тупица Мемо, лиса Мемо!» Выпрямившись во весь рост, он пересказал товарищам «Игры разума» и, изображая перипетии сюжета, наконец натужно расхохотался. Над долиной, где раньше не было слышно даже шепота, эхо далеко разнесло этот странный смех. Товарищи с изумлением смотрели на него.

Сержант подошел и влепил пощечину, потом еще и еще одну. У Джемалья уже слезы лились из глаз, а он все не мог остановиться и хохотал. Не сразу он сумел прийти в себя и замолчать...

Они потеряли капитана, Джемаль и Селахатдин были ранены в ноги. Срок их военной службы подошел к концу. Из-за того, что Джемаль совсем не использовал увольнительные, ему было разрешено демобилизоваться на 45 дней раньше. А Селахатдину придется сначала полежать в госпитале и только потом – домой. Так или иначе – эти безжалостные, наполненные страхом месяцы подошли к концу.

На следующей неделе, еще до того, как он попрощался с товарищами по погранзаставе, случилось нечто, расстрогавшее Джемалья до глубины души: то, чего он не забудет всю свою жизнь. На погранзаставу прибыл новый лейтенант: восторженный и неопытный командир. Ближе к вечеру, увидев идущего по направлению к заставе по горе человека, он без всякого колебания отдал приказ открыть огонь. Так поступил бы и погибший капитан, по-другому было нельзя. В спускающихся сумеркахдвигающийся в тени гор человек мог представлять опасность для заставы. Да и никто, кроме боевиков РПК, не бродил по этим горам. Прозвучали выстрелы. Силуэт человека опустился на землю.

Они пришли взглянуть на труп – и оказалось, что это был маленький ребенок. Бедняга пас здесь нескольких овец и коз. Как только Джемаль увидел изрешеченное пулями тело мальчика, сразу вспомнил пару смотрящих на него с благодарностью черных глаз в выселенной деревне. С напрасной надеждой будет ждать парализованный дед внука в избушке под саманной крышей.

Который не вернется никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Шейх суфийского тариката – тарикат, духовное мистическое объединение в суфийской традиции, отдаленно напоминающее европейскую традицию монастырских орденов. Суфизм – мистическое движение в исламе, целью которого является единение с Аллахом. Достигается это единение с помощью различных духовных, физических и психических практик, непременно под руководством наставника – муршида. Нередко наставником являлся и сам шейх, глава общины, в широком смысле глава ордена. Местное население обычно почитало шейхов как святых, иногда прижизненно, часто обращаясь к ним за помощью, лечением, духовной поддержкой.

2

Албасты – женские демонические персонажи в мифологии тюркских и некоторых соседних с ними народов. Обычно представляются в виде уродливой обнаженной женщины с длинными распущенными желтыми волосами и обвислыми грудями.

3

Теравих, тара?ви?х – желательный намаз, который совершается в месяц Рамадан после обязательной ночной молитвы (иша) и длится до появления зари.

4

Местность в турецкой провинции Ширнак, на границе с Ираком и Сирией.

5

Ходжа – вежливое обращение к учителю, наставнику, преподавателю.

6

Каспар Хаузер – «Дитя Европы» (1812–1833), найдёныш с таинственной судьбой, одна из загадок XIX века. Народная молва упорно его считала похищенным из колыбели наследным принцем баденского престола.

7

Константинос Кавафис (1863–1933) – александрийский поэт, который стоял в стороне от словесного канона своего времени и лишь после смерти был признан величайшим поэтом новогреческого языка.

8

Мекар – обувь турецкого производства.

9

Или «Черный ястреб» – американский многоцелевой вертолет.

10

Праздник в конце девятого месяца Рамадан, в этот праздник принято просить прощения у Бога за совершенные грехи и читать Коран.

11

Ла?зы – субэтническая группа грузинского народа. Проживает на территории исторической области Лазистан, большая часть территории которой в настоящее время входит в состав Турции.

12

Отсылка к «Одиссее» Гомера.

13

В течение 200 лет хребет горы Арарат называли «Джуди». Гора Джуди, о которой здесь говорится, лежит в 200 милях к югу от горы Арарат.

14

Речь идет, в частности, о гибели шиитского имама Аль-Хусейна ибн Али аль-Кураши – второго сына Али ибн Абу Талиба и дочери Пророка Мухаммада Фатимы. День его гибели во время сражения близ Кербелы с войском омейядского халифа Язида I отмечается шиитами как траур ашура.

Купить: https://telnovel.com/ru/livaneli_zul-fyu/schast-e

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)